

СТЕПЕНЬ ДВАТИЯ

▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲

Дмитрий Ванходло

Степень сжатия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612951

ISBN 9785449351487

Аннотация

В книге развиваются два параллельных действия. Часть событий происходит в Советском Союзе в середине 80-х годов, часть – в России середины 2000-х.

Содержание

Степень сжатия	5
Шарм. Февраль 2007	7
Москва. 2007 март	18
Египет. 2006 год. Июнь	28
Москва. Июль – Август 2006	57
Белое озеро. Сентябрь 2006	62
Белое озеро. Сентябрь 2006	77
Непонятки. Москва. Сентябрь 1984	83
Поручик. Москва. Сентябрь 1984	94
Бельды. Москва. Сентябрь 1984	107
Будни. Москва. Октябрь 2006	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Степень сжатия

Дмитрий Ванходло

Дизайнер обложки Marsa _ 001

© Дмитрий Ванходло, 2018

© Marsa _ 001, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5148-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Степень сжатия

*Степень сжатия двигателя – это отношение
Полного объема цилиндра (V) к объему ка-
меры сгорания (V_c)*

Когда темнота, поднывающаяся со дна болота, стала оттеснять сумерки, а плотные клубы вечернего тумана окутали опушку леса, сова, казалось, спавшая на ветке старой ели, встрепенулась, быстро повернула голову, тончайшим слухом уловив шелест в траве.

В этом тихом, совершенно неразличимом для человека звуке, она безошибочно распознала работу крошечной мышцы-полевки, и мгновенно запеленговала местоположение зверька. В следующий миг большая птица снялась с ветки, и развернув широкие, бесшумные крылья, стремительно заскользила вниз, к поросшей жесткой травой, и редкими молодыми деревцами поляне.

Низко, едва не касаясь травы, она неслась к своей невидимой добыче. Разрывая полосы вечернего тумана, охотница шла точно к источнику звука. Шансов у мыши не было.

До цели оставались считанные метры, только пересечь узкую ленту шоссе, оказавшуюся на пути. Птица уже растопырила сильные когтистые лапы, когда с боку, прямо в нее ударил сноп яркого, слепящего света, и только что бывший да-

леким звук, мгновенно приблизился, разросся, превратился в рев.

Сова метнулась в сторону и вверх, автомобиль пронесся под ней в каком-то десятке сантиметров. Воздух устремившийся в разрежение, оставленное машиной потянул птицу следом. Она взмахнула упругими крыльями, выровнялась, поднялась выше, вернулась к лесу, опустилась на ветку. Охота была испорчена...

– Ух, ё! Сова! – воскликнул сидевший за рулем мужчина. Черный силуэт птицы, внезапно возникший из ниоткуда, перед самым лобовым стеклом, напугал его, правда, через мгновение он немного успокоился, нервно хихикнул и обратился к сидевшей рядом девушке – Ты видела?

– Видела – она прохладно улыбалась – перепугался?

– Конечно! От неожиданности. Хрена-се, сова!

– Не надо так гонять, Саша! – сказала девушка поучительным тоном, но если бы водитель оторвался на миг от дороги и посмотрел на ее лицо, он увидел бы, что она продолжает улыбаться.

Он ничего не ответил. Несколько секунд прошли в молчании, а потом девушка вдруг спросила: Твоя жена не занимается черной магией?

Шарм. Февраль 2007

...Только когда они подошли вплотную к рифу Гордон, стало видно, что волны не просто раскачивают бот, они творят с легким и высоким суденышком все что пожелают! Зеленая кромка неслась мимо с противоестественной скоростью, палуба то проваливалась прочь из-под ног, ввергая Сашу и его товарищей в состояние невесомости, то наоборот взлетала в верх, так, что приходилось делать изрядные усилия, чтобы не свалиться. Ласты на ногах и баллоны за спиной тоже не добавляли устойчивости. Ветер свистел в ушах, кидал на палубу соленые брызги.

Капитан маневрировал, разворачивая бот кормой к рифу. Группа толклась на корме, и каждый держался, за что мог. Со стороны они, вероятно, выглядели довольно бестолково.

Наташка стояла напротив своих подопечных, надежно держась за блестящий поручень. Роскошные ее рыжие волосы были скрыты резиновым шлемом, тело упаковано в «сухой» гидрокостюм. Она не так давно стала дайвмастером и, видимо, еще получала удовольствие от своей не совсем обычной работы. Звонким голосом, перекрикивая волны, ветер и дизель, Наташка вещала:

– Сейчас бот развернется, и мы прыгаем! Капитан не будет глушить двигатели, иначе нас может ударить о риф! Прыгаем подальше! Бот отходит, а мы быстро погружаемся, пока

течение всех не раскидало! Все понятно?!

Было ли Саше понятно? Конечно! А то?! Было совершенно ясно, что есть шансы угодить под винты, или, как вариант, быть прижатым к рифу, или... Короче, малость страшновато было!

Было, но страх этот мешался с восторгом, с предчувствием близкого приключения! Что-то лихое и бесшабашное закипало в нем, булькало веселыми пузырями, рвалось наружу.

– Прыгаем! – скомандовала Наташка.

Вода, которая, оказалась теплой, гораздо теплее воздуха, сомкнулась над головой, но только на мгновение. Он вынырнул, сорвал с лица маску, увидел троих товарищей и Наташку рядом, увидел стремительно удаляющуюся корму бота и не сумел понять, то ли это кораблик уходит от них, то ли, наоборот, это их относит течением. Он быстро плюнул в маску, растер плевков, прополоскал ее в воде и снова натянул на лицо. Этот ритуал, якобы спасал стекло от запотевания.

– ОК?! – зазвенел голос Наташки – ОК?! Погружаемся, нас относит!

Как и все остальные, показав пальцами «ОК», Саша нажал кнопку инфлятора. За спиной зашипело, воздух рванулся прочь из камеры, державшей его на поверхности, вода снова сомкнулась над головой, и они плавно пошли вниз. Теперь продуться! Зажав пальцами нос, он «выдохнул в уши». Без толку! Давление на перепонки росло, становилось больно. Еще раз! Безрезультатно. Уже ощутимо больно! Еще раз!

Нет. Так. Спокойно! Подвсплыть, как учили, и попробовать снова.

Он развернулся головой к поверхности, встал вертикально в воде и начал подгрести ластами. Вода мутновата, стенку рифа, в нескольких метрах еле видно. Почему растет давление на уши?! Черт! Спокойно! Есть же компьютер!

Он поднял левую руку к лицу, посмотрел на экранчик. Так и есть! Шесть метров, и я продолжаю падать, как осел! Поддуть компенсатор! Так, вот теперь всплываю. Вот уже не больно. Еще раз продуться! Опять не получается! Стоп! Так я совсем всплыву! Воздух из компенсатора долой, снова вниз. Черт! Что же делать?! А если попробовать глотнуть? Иногда помогало... Есть!

Щелчок в ушах возвестил о том, что давление снаружи и внутри его головы выровнялось. Группа была уже метрах на десяти, а Наташка, возникшая рядом с ним, спрашивала жестом: Проблемы?

Он показал ей, что проблем уже нет, и пошел вниз. Теперь он знал, что дальше все будет нормально. Всегда эти первые несколько метров погружения были для него самыми сложными.

Они плавно скользили вниз, размеренно дыша, расслабленные, легкие, будто невесомые. Здесь, в морской глубине царили тишина и покой. Вся суета, вся тщета жизни осталась где-то далеко, там наверху. Они были вежливыми гостями в первобытном, еще почти не загаженном людьми, тор-

жественном подводном царстве. И сами они, словно бы становились другими. Будто делались на час красивее, лучше, выше! Здесь, каждый был готов помочь другу, поделиться, если надо, самым дорогим, что есть у людей под водой – воздухом! Море меняло их, нервных, циничных, колючих. Оно превращало их в романтиков, в морских рыцарей, одетых в резиновые доспехи. И, наверное, именно общее знание этой удивительной тайны подводного преображения, тайны совершенно недоступной обитателям земной тверди, роднила этих абсолютно разных и даже не слишком близко знакомых людей, притягивала их друг к другу, и объединяло не только под водой.

Они опустились до тридцати, предельных, для них, любителей, метров и пошли горизонтально вдоль рифа. Следом за Наташкой, попарно, они двигались против течения, и это было нелегко. Отставать от девчонки взрослым мужчинам было стыдно. Она плыла легко, а Саша напрягал все силы, борясь с наступающей, будто вязкая стена водой. Он тяжело и часто дышал, сердце колотилось, запас воздуха таял стремительно.

Так, медленно поднимаясь, они прошли некоторое расстояние вдоль стенки рифа. Наверное, на этой самой стенке можно было увидеть много всего интересного, вероятно, там были и красивые, причудливые кораллы, и мурены, выглядывающие из своих пещерок, и еще всякая подводная разная – разность, но Саша в этот раз ничего этого не увидел.

Он видел только мерные взмахи Наташкиных ласт впереди, видел свой манометр, который бесстрастно констатировал неприлично большой расход воздуха, он поглядывал на компьютер, думая, что пора бы уже начинать подниматься, а то скоро не останется чем дышать.

На глубине 20 метров Наташка остановилась, повернулась к своим дайверам, и поинтересовалась, у кого сколько осталось воздуха. Саша порадовался, что у остальных не на много больше чем у него. Они повернули обратно, и пошли по течению, продолжая медленно подниматься.

Плыть по течению было удивительно легко и приятно. Вода несла сама, им оставалось только чуть шевелить ластами, подруливать, сохраняя правильное направление.

Вот теперь Саша обрел способность видеть окружающее! Во все глаза смотрел он вокруг, и видел, и понимал, что вот именно ради таких минут и стоило лететь сюда за тысячи километров! Он видел кораллы и вросшие в них большие ракушки с приоткрытыми створками, неестественные, ярко синие внутри. Видел, сказочных расцветок рыбок и больших рыб. Видел, но не мог проникнуться в полной мере, потому, что сердце его еще колотилось часто, воздуха оставалось маловато, а конца погружению, как-то пока не было видно.

На глубине метров 14 – 15 риф имел уступ. Этакую ступеньку шириной с десяток метров. Ступенька была покрыта светлым песком, то тут, то там лежали серые куски мертвых кораллов. Здесь плавала пара крылаток, сразу приковы-

вавших взгляд своей опасной красотой, очень большая рыба-шар лежала на песке, будто на пляже. Она никак не реагировала на появление людей. Наверное, привыкла и считала их безопасными, хотя и странными созданиями.

День с утра был пасмурный, солнце редко выглядывало из-за облаков. Оглядывая подводное плато, Саша подумал, что, вот если бы вышло солнце, то все стало бы еще более, просто сказочно красиво!

В тот же миг, словно кто-то могущественный услышал его мысли. Солнечный свет проник в морскую пучину, и все вокруг заиграло, засияло, засветилось радостными, невероятными красками! Дух захватило от восторга! На минуту он забыл про все! Про воздух, про предстоящее всплытие, про шторм, который бушевал где-то там, наверху и был в эту минуту мой герой совершенно по-детски счастлив!

Наташка снова спросила про остаток воздуха. У Саши и еще одного товарища дела были неважные. От изначальных 200 бар у них оставалось по 15. Правила предписывали дайверам, выходить из воды имея в баллоне остаток не менее 10 бар, а ведь предстояло еще медленно всплывать, и стоять на пяти метрах, 3-х минутную остановку безопасности.

Сашин партнер, очень удачно, именно в эту поездку, начинал обучаться «техническим» т. е. глубоким погружениям, а потому, таскал с собой «стейдж» – подвешенный сбоку дополнительный баллон, а у Наташки воздуха было еще полно. Она показала, что партнер должен дать Саше поды-

шать из «стейджа», а второго пожирателя воздуха поманила к себе и протянула ему свой «октопус» (резервный источник воздуха). Таким образом проблемы жизнеобеспечения были решены и они, теперь связанные общими шлангами, как альпинисты страховкой медленно пошли к поверхности.

На остановке безопасности Саша почувствовал, что его начинает неудержимо поднимать в верх. Видимо, он малость недобрал груза, и теперь ему пришлось бороться, с совершенно непобедимой архимедовой силой. Напрасно пытался он стравить остатки воздуха из компенсатора плавучести, напрасно пробовал поменьше вдыхать и подгрести ластами вниз. Его поднимало медленно, но совершенно неотвратимо.

Наташка помирила его с Архимедом, протянув ему килограммовый свинцовый грузик. Саша благодарно покивал ей и поместил груз в карман. Они достояли остановку и начали всплывать, как полагается, подняв одну руку над головой, чтобы не удариться о что-нибудь, например, бот, если оно вдруг окажется над ними.

На поверхности свистел холодный ветер, солнце снова скрылось. Волны немедленно подхватили их и начали трепать, как игрушечных. Они надули компенсаторы, освободив рты от регуляторов жадно вдохнули атмосферного воздуха, и обрели дар речи.

Саша дурашливо, но, впрочем, вполне искренне поблагодарил партнера за воздух, а Наташку за грузик и, смеясь, поинтересовался, много ли у нее таких с собой? Все развесе-

лились, а она совершенно серьезно объяснила, что нет, конечно, немного, но один запасной она всегда берет. Это ее заявление рассмешило мужчин еще больше. Наташка тоже засмеялась, то ли с опозданием поняв, шутку, то ли просто за компанию.

Между тем, течение быстро несло их вдоль рифа, прочь от бота. Кораблик был метрах в пятидесяти, но нечего было и думать о том, чтобы доплыть до него. Не получалось даже держаться на месте! Их быстро сносило, и было ясно, что с бота их не видят. Он никуда не собирался плыть. Болтался себе на якоре.

Наташка надула длинный и узкий, оранжевый, сигнальный буй и подняла его над головой, помахала им вправо-влево. Без толку. Попробовали покричать. Куда там! Волны ветер...

Они легли на спины и гребли против течения, в сторону бота, уменьшая, по возможности, снос, а Наташка держала в поднятой к облачному небу руке полутораметровый оранжевый буй.

На кораблике все будто вымерли. Саше вспомнились недавние, казавшиеся невероятными, сообщения в прессе, о пропавших, потерянных дайверах. Теперь он понял, что это могло быть, и понял, как это могло быть. Очень даже просто и обыденно.

Так они плыли несколько долгих минут. Наконец, бот двинулся с места и быстро пошел к ним.

– Слава богу, проснулись! – пробурчал Андрей. Он был самым старшим из них, и к тому же полным. Наверное, ему приходилось чуть труднее, чем остальным, хоть разница в возрасте и не была серьезной – ему было 43, а Саше 40.

Бот прошел мимо них, чуть вниз по течению. Остановился, развернулся, и двинулся обратно. В десятке метров от них выполнил хитрый маневр, оказался к группе кормой, и матрос, смуглый молодой араб, широко размахнувшись, бросил в их сторону веревку с бумом на конце. Пять пар рук ухватились за нее, и матросы начали подтягивать дайверов к боту.

Они вскарабкались на палубу, стащили с себя сначала сбрую, а затем гидрокостюмы. Холодно было ужасно! Ветер свистел, зуб не попадал на зуб.

– Господи! Только полные дебилы могут платить деньги за такое издевательство! – паяцничал Саша, растирая спину махровым полотенцем.

И снова Наташка смотрела на него, явно не понимая, серьезно он это или шутит? Всем остальным уже все было понятно. Понятно, что будет также здорово, как и в прошлый раз, несколько месяцев назад, в теплом октябре, в Дахабе, где все они впервые встретились и познакомились. Будет также здорово, но совершенно по-другому, и то, что все будет по-другому – это тоже хорошо!

В салоне их ждал «lanch» – по паре кусочков пережаренной курицы, картошка фри, рис, овощи.

Саша поел, сделал себе стаканчик растворимого кофе и отправился курить на корму. В джинсах и футболке было совсем не холодно. Шторм поутих, и бот теперь раскачивался плавно, успокоительно. Пара часов была отведена на отдых, а затем предстояло еще одно погружение.

Он сидел на ступеньке деревянной палубы, курил, слушал, как ветер хлопает развешенными на просушку гидрокостюмами, смотрел в сторону не очень далекого берега. Совсем рядом с ботом торчал ржавый, застрявший на рифе корабль. На берегу виден был отель Sea Club****, в котором, Саша, тогда еще никакой не дайвер, а просто российский праздный турист отдыхал с семьей, чуть больше полугода назад, но какая пропасть была между тем и этим временем!

Он смотрел на отель на берегу, с качающейся палубы бота и сложные какие-то чувства теснились у него в груди. Ему и жаль было той правильной, ровной, давно устроенной жизни, которую он отверг, уничтожил собственными руками, а может, на самом деле просто потерял? И в тоже время, так здорово было ощутить себя свободным, рискованым исследователем морских глубин и далей, хотя бы иногда! Хотя бы на короткие семь дней! Ей богу, это многого стоило!

Пришла Наташка, плюхнулась рядом, попросила зажигалку, прикурила. Рыжая, симпатичная, беззаботная девчонка 21 года. Улыбнулась лукаво, спросила: Ну, как?

– Здорово, Наташка, очень здорово! – совершенно искренне ответил Саша.

Он улыбнулся девчонке, затаился и снова посмотрел на берег.

– Тебе еще нравится нырять, Наташка? Или для тебя это уже просто работа? – разглядывая отель на берегу, спросил он.

Она не успела ответить.

– Ты только посмотри, что творится! – раздался позади развеселый голос Андрея.

– Санек! Немедленно прекрати приставать к несовершеннолетней, старый черт! – развил тему Сергей.

– Не бойтесь девушка, мы не позволим этому негодяю Вас обижать!

Андрей опустился рядом с Наташкой и покровительственно обнял ее, а Сергей сзади схватил Сашу за шею и повалил на палубу.

– Вот, балбесы! Дяденьки, вы хуже детей! – булькал Саша сквозь смех и удушье, вырываясь из тренированных в фитнес клубе рук. Наташка смеялась.

Это было действительно весело, там, на палубе, в феврале, под начинающим очищаться от облаков, Египетским небом! И странным казалось Саше, что еще полгода назад, он и представить себе не мог ничего подобного.

Москва. 2007 март

Окно в кабинете было широким, во всю стену, но располагалось довольно высоко. Если, сидя за столом, Саша поворачивал голову и смотрел туда, он мог видеть только кусок неба, которое, в эти зимние месяцы, чаще всего, было унылым и серым, да черные троллейбусные провода. Больше, не поднимаясь с кресла, увидеть в окошко нельзя было ничего.

В углу, около окна стоял кулер. Узкий подоконник выполнял, по совместительству, функцию полки. На нем обычно жила банка кофе «Нескафе голд». Ее соседка, другая банка из-под такого же кофе содержала сахар. Имелась так же коробочка с пакетиками чая «Ахмад», дежурная, периодически пропадающая, чайная ложечка и стопка пенопластовых одноразовых стаканчиков. Остальную площадь длинного и узкого подоконника занимали резцы, сверла, плашки, метчики, часовые индикаторы, микрометры и всякий подобный токарно-фрезерный хлам, главным образом, не годный к употреблению. Хлам этот присутствовал не только на подоконнике, он размещался так же на письменном столе второго обитателя кабинета, а также и на полу, частично в картонных коробках, частично просто так. Начальник цеха, с которым Саша делил кабинет, утверждал, что все это однажды может пригодиться.

Как-то так получалось, что сутра, на работе Саша появлялся в числе первых. Происходило это вовсе не от излишнего служебного рвения, а просто по тому, что ехать от дома до работы ему было 10 – 15 минут и в принципе, можно было дойти пешком, а кроме того, Саша полагал, что он, как руководитель, должен сам соблюдать дисциплину, чтобы требовать того же от подчиненных, а иначе он ничего требовать не сможет, и воцарится бардак.

Обычно, за полчаса до начала работы, Саша, буксуя в вечно неубранном снегу, парковал машину под окном своего кабинета, отпирал решетку на двери «Приемки», отпирал собственную дверь, табличка на которой уведомляла, что фирма по восстановлению деталей двигателей находится именно здесь, и работает с 9 до 19.

Саша входил в темноту, автоматическим движением, точно попадая в выключатель, включал свет, проходил мимо стеклянных витрин с красивыми импортными запчастями с одной стороны и промасленных верстаков для приема агрегатов в ремонт с другой. Повозившись с внутренней дверью, он попадал во двор.

В зимнее время, двор был покрыт утоптаным снегом и окаймлен грязными сугробами. Саша здоровался с грузчиком Гариком, который так же рано появлялся на службе, подтверждая, тем самым, незыблемость утверждения, что сон алкоголика крепок, но краток.

Гарик был невысоким, тощим, но каким-то кряжистым,

что ли? Несмотря на тщедушный вид, он легко, будто стальными клешнями, поднимал тяжеленные чугунные блоки. Было не понятно, как это у него получается. Гарик, с каким-нибудь шестицилиндровым, например, мерседесовским блоком в руках, выглядел абсолютно противоестественно, ибо блок мог быть чуть ли не размером с Гарика! Видимо тут сказывалась проведенная на лесоповале молодость. Отмотал он в свое время достаточно. Было у него несколько ходок и все за мелкое воровство. Потом это Гарику однажды надоело. Теперь, на левой руке у него красовался синий татуированный паук на паутине. Гарик доверительно объяснил как-то Саше, что это значит «Завязал воровать» и для ясности добавил: «Если опять туда приду с этим (он показал на татуировку), пиздец мне». Сколько было правды в этом откровении, да и была ли она там вообще, Саша не знал.

Он пересекал двор, поднимался по бетонным ступеням на крыльцо и входил в здание, некогда бывшее советским НИИ, а ныне розданное в аренду всяким фирмам и конторам. В коридорах гуляли сквозняки, тускло светили редкие, покрытые пылью неоновые лампы, пахло кошками. Как и лампы, покрытый пылью, раритетный, еще советский плакат на стене, посвященный некогда важной теме гражданской обороны, популярно, в весьма доходчивых картинках объяснял каждому, как следует этому каждому вести себя в случае ядерной атаки.

Саша входил в тепло кабинета, раздевался, включал компьютер. Пока компьютер грузился, он готовил себе кофе. Мешая в пенопластовом стаканчике «как бы кофе», он смотрел в окно на грязный снег, серое небо, вечную автомобильную пробку...

Пароходный гудок возвещал, о том, что загрузилась «Аська». Это был хороший звук. Он бередил душу, будил воспоминания о морях и солнце. Перед мысленным взором начинали качаться высокие пальмы, с шумом разбивались о коралловый брег пенные волны. Вздохнув, он закуривал, садился за компьютер и начинал открывать рабочие программы.

Да, так вот. Жил себе Саша на земле. Плох ли был он, хорош ли? Сложно сказать. Зла и подлостей особых старался не делать, так... обыкновенный, в целом, человек. Немножко был он застенчив, даже, пожалуй, трусоват. Знал за собой эту слабость, знал, но поделаться с ней не мог ничего. Старался прятать это от окружающих, прикрывать нарочитой даже бравадой. Мешало это ему, портило иногда жизнь, потому, как имел мой герой определенные достаточно понятия о том, «Что такое Хорошо и что такое Плохо» и когда по слабости вступал с этими понятиями в противоречие, мучился потом и переживал.

В юности, ныне далекой, уже подернутой розовой дымкой времени, был Саша мальчиком около богемным. Писал сти-

хи, тусовался с подпольными тогда еще рок-музыкантами, авангардными художниками. О материальном думал мало, все больше о духовном.

Со временем, обзаведясь семьей и вместе с ней всякими обязанностями, стал он, высоко летающий, работать – зарабатывать, как и все добрые, и вполне приземленные люди.

Горько пожалел о брошенном в свое время институте, да и еще о многом. Но стоял он в тот момент уже по колено в назеженной колее и сил что-то серьезно менять, в себе не обнаруживал. Успокаивал он себя тем, что, в общем и целом, все складывается у него неплохо, не хуже, чем у прочих.

От богемной юности осталась у него любовь к некоторым непростым жанрам в кино, музыке и литературе, да политические взгляды либерального толка.

Всякое случалось с ним на жизненном пути, как и со всяким средним человеком. Были взлеты, правда отнюдь не космической высоты, были и падения, но тоже не фатальные. Все казалось Саше, в глубине сложной его души, хоть и понимал он разумом, что мираж это, обман, будто впереди случится еще что-то важное такое, большое, главное! Что это собственно такое будет, представлял он себе смутно, но точно должно было образоваться достаточное количество денег, чтобы почувствовать себя свободным от каждодневной заботы о куске хлеба, разогнуть спину, оглядеться вокруг, посмотреть мир... Однако, вместо этого, тайно ожидаемого, однажды случился 1998 год, а точнее этого года август, кото-

рый превратил недоучившегося инженера-строителя, Сашу, который о ту пору удачно подвязался в некоей частной фирме в качестве дизайнера интерьеров, в нищего безработного!

Положение сложилось у него незавидное. Имевшийся небольшой запас денег стремительно таял, а работы подходящей, что-то, как-то не подворачивалось. Вот в этот-то самый момент, с отчаяния и перепугу пошел он (разумеется, временно!) поработать в авторемонтное это предприятие грузчиком на склад.

Если бы кто сказал тогда ему, что проработает он там не месяц и не два, что полностью сменит профессию, а в 2004 году станет директором одного из филиалов быстро растущей фирмы, чрезвычайно удивился бы он такому пророчеству и вряд ли поверил бы.

Ну, да ладно. Вкратце и по – порядку. Уже весной 1999 года, разъезжал он по страшноватой, еще вполне бандитской Москве на начинающем местами ржаветь фургончике Ford Transit и занимался вопросами снабжения. Покупал оптом «Советские» запчасти по рынкам и всяким торговым конторам.

Непростое было это занятие, нервное. Постоянно в плотном транспорте потоке на непривычной большой машине, с плохим обзором. Только и смотри, что б не цепануть при тулившееся в слепой зоне BMW или Mercedes какой!

Лазить, например, по рядам рынка в Южном порту в поисках нужных товаров и приобретать их партиями, засвечи-

вая немалые суммы – тоже удовольствие ниже среднего. Да в одиночку. Да регулярно!

Было совершенно ясно, что однажды обуют. Только вопрос времени. Жизнь проистекала, как на пороховой бочке.

Однако, Сашенька зарабатывал, и зарабатывал, на его неприятный взгляд, совсем неплохие деньги. А главное, имелась тенденция к росту.

Повторюсь, было ему непросто, потому еще, что ко всем перечисленным радостям этого ремесла, добавлялись его, не самые удачные для такого дела, личные качества. Был он и водитель неважный, малоопытный, и коммерсант никакой, это уж, в следствии характера.

Он конечно старался! Боролся, как мог со своей природой. Пытался проявлять не свойственные ему точность и аккуратность, уверенность и смелость, пытался соответствовать, т.е. крутым быть, как положено.

Старание – это конечно дело хорошее, да вот только не был Сашенька крутым никогда и где взять-то, если нету?

Напряжение нервное, после трудового дня стал он снимать не медитацией, конечно, а способом вполне для России традиционным – водочкой. Местами помогало, зато осложняло семейные отношения.

Как-то попал Саша, как не старался быть бдительным, в небольшую аварию. Рассчиталась за него фирма и оказался он должен своим боссам объективно небольшую, но весьма чувствительную для него небогатого, сумму. Стал ее по-

степенно выплачивать и уже половину выплатил, когда однажды, на Балашихинском авторынке, выставили его на куда большие деньги. На самом деле, развели его, как последнего лоха, коим, он в сущности и являлся.

В этом, признаться он своему начальству никак не мог, а потому, пришлось занимать деньги у друзей – знакомых. Кончилось это все очень даже плохо.

Трудно сказать, что сыграло главную роль, то ли нервы, то ли злоупотребление водочкой, но только оказался наш герой в реанимации с прободной язвой. Сложилось все так удачно, что едва на операционном столе не откинул он сандалии. Но все же не откинул. Бог миловал!

Так и вот. Когда лежал Саша после операции, под капельницей, в палате реанимации, имея в носу классическую прозрачную трубочку, которая доставляла ему невыразимые мученья, плавая где-то на полдороги между жизнью и смертью, и пытался читать книжку, как раз про то, что такое язва и как с ней бороться, посетили его весьма любопытные мысли и ощущения. Увидел он всю свою прошлую жизнь, а особенно последние два года, будто откуда-то сверху и показалась вся она ему муравьиной какой-то суетой!

«Какими глупостями я занимаюсь!» – думал он – «Все время тшусь заработать! Разбогатеть! Столько сил и энергии трачу на это, а надо-то совсем, совсем другое! Нужны-то, на самом деле, такие простые вещи!»

В брошюрке про язву, читал Саша о лекарственных тра-

вах, и тут же, обострившееся воображение услужливо рисовало ему знойный июльский луг. Он видел полевые цветы, чувствовал запах трав, ощущал дуновение теплого ветерка. Каким было бы счастьем просто пройтись по такому лугу! Слышать шелест травы, гудение пчел... Просто глотнуть холодной чистой воды. Воды! (Ему нельзя было пить, а все время хотелось, несмотря на капельницы). Просто видеть рядом своих близких, слышать их голоса!

«Господи!» – думал он – «Если суждено умереть, почему это должно происходить так?» Совсем не страшно было умереть, но жутко обидно, что последним, увиденным в жизни, будет больничная палата, равнодушные лица медсестер, окно за которым только и есть, что безотрадная кирпичная стена соседнего корпуса.

Ему просто хотелось бы оказаться на опушке леса, что бы там стояли сосны, что бы был рядом кто-то, кому он не безразличен. Только и всего! И тогда, спокойно можно было бы и уйти с миром. Во всяком случае, так ему тогда казалось.

И Саша решил, что ежели ему суждено жить, ежели он однажды выйдет из больницы, то вся его жизнь станет другой! Она будет простой и исполненной вечного, мудрого смысла! Он не станет больше тратить физические и духовные силы на добычу денег, на глупейшее стяжательство!

Он никогда не считал себя стяжателем, а теперь понял, что всегда им был!

Джинсы, куртку, видеомагнитофон, машину... Машину

получше... Бред! Все это совершенно не нужные вещи! Просто смотреть вокруг! Просто дышать и наслаждаться каждым вдохом! Любоваться этим прекрасным миром, каждый час, каждый миг! Ценить каждое отпущенное мгновение этой удивительной, богом данной жизни!

Э...! Куда там! Едва он встал на ноги и начал поправляться, набирать силу и физическую форму он позабыл обо всех тех, безусловно, правильных вещах, которые так были ясны, отчетливы и безальтернативны в палате реанимации. Обычная, всем привычная жизнь. Ее понятия и надуманные ценности моментально вернулись и затащили его, как только отступил страх смерти.

Первое время, он еще вспоминал эти откровения, рассказывал о них окружающим, но вспоминал все реже, все менее остро, а потом они и вовсе ушли куда-то совсем на задний план и все пошло своим чередом, почти так же, как и до болезни.

Египет. 2006 год. Июнь

Забавно, но и несколько лет спустя, ему все еще казалось, что главное, что-то такое важное еще должно случиться...

Когда весной 2006-го ему исполнилось сорок, это вполне ожидаемое и легко прогнозируемое событие, почему-то застало Сашу врасплох! С превеликим удивлением, осознал он, что ничего волшебного, впереди, видимо, уже не будет. Что все лучшее, все то, что могло с ним произойти, уже произошло! А все то, что было отложено на «потом», уже никогда не случится, потому, что никакого «потом», оказывается, уже нет и все незаметно прошло «Как с белых яблонь дым»!

Основательно обо всем этом подумав, почесав, начинающую сесть голову, Саша решил, что, пожалуй, еще немножко времени у него есть, и надо срочно начинать жить!

Тут, конечно, следовало бы спросить, моего героя, а что он делал до этого? Не жил? Мучился? Но никто не спросил, просто потому, что своими мыслями он ни с кем не поделился. Он просто взял отпуск в месяце июне и отправился с женой и сыном в солнечный Египет.

Так начался в его жизни «Египетский период», впрочем, сам он об этом тогда еще не знал. Да и никто не знал.

Когда-то, страшно давно, будучи еще школьником, Саша мог часами обозревать небогатую экспозицию Египетского

зала в Пушкинском музее. Странные фигуры удивительных животных, неземной какой-то красоты и торжественности лица фараонов и цариц, таблички с таинственными иероглифами.

Великая тайна чудилась ему за всем этим! Тайна темная, запретная, манящая своей недоступностью! И не надеялся никогда мальчик Саша увидеть воочию пирамиды, Нил, Каир и знаменитый Каирский Музей.

Тогда, в дремучие, советские семидесятые, Египет находился за тысячи световых лет от Москвы, даже дальше, чем самые далекие звезды. Звезды хоть на небе можно было увидеть, а пирамиды только в передаче «Клуб кинопутешественников», которая была так любима советским народом, ну и Сашей, конечно.

Оказалось, что Египет не так и далеко.

Саша всегда любил летать! Любил с детства и став взрослым сохранил, не растерял то удивительное, романтическое, ощущение, которое способен подарить, каждому неравнодушному, каждому желающему видеть и чувствовать, самолет!

Что за волшебная чудо-машина?! Сколько таланта, ума и труда тысяч людей вложено в эту легкосплавную птицу! Сколько поколений инженеров, наверное, самых лучших, самых одаренных работали, развивая и совершенствуя это воплощение вечной мечты человечества – мечты о полете!

Конечно, мы и не думаем, и не помним об этом, загру-

жаясь в совершенный лайнер, способный совершить удивительное – за несколько часов покрыть расстояние, которое некогда измерялось неделями и месяцами трудного, а порой и опасного пути!

Саша помнил. Всегда с юношеским трепетом смотрел он на эти огромные дюралюминиевые тела. Всегда провожал взглядом, оставляющий в небе инверсионный след самолет, и неповторимое сладко – беспокойное чувство выросло в душе, и звало в дорогу, в дальние дали, к новому, неизведанному...

Он прижимался лбом к прозрачному пластику иллюминатора, когда самолет замирал на минуту на старте, вслушивался в шум набирающих обороты турбин, и сердце начинало стучать учащенно от волнения и восторга! А потом, когда машина срывалась с места и все ускоряясь неслась по полюсу, он ждал, затаив дыхание, боясь пропустить великий момент – момент отрыва!

Затем лайнер поворачивал, ложась на курс и в иллюминатор было видно или землю, стремительно проваливающуюся вниз, или наоборот небо. Только после того, как самолет, проткнув слой облаков, попадал в мир вечного солнца, а земля исчезала из вида, он успокаивался и с некоторым сожалением возвращался к обыденному.

Все было точно так же и на этот раз. Некоторое время самолет шел над облаками, и Саша листал журнал, обмениваясь с женой замечаниями по поводу его содержания. Затем,

где-то над Турцией, облака кончились. Поплыли медленно под крылом горы, потом была пустыня, казавшаяся бесконечной, и наконец, к концу четвертого часа полета появилось море.

Собственно, это было не само Красное море, а залив Акаба. В иллюминатор был виден только один берег. Желтый, мертвый, гористый, иссеченный ущельями и темная, цвета ультрамарин, вода. Возле самого берега, она была будто затянута радужной, светло-зеленой пленкой. Саша удивился. Он не понял, что это. Он не знал, что это прибрежные рифы. Тогда еще не знал.

Боинг вполне благополучно приземлился в аэропорту Шарм-эль-Шейха и мой герой ступил на раскаленный бетон, под беспощадное в месяце июне, египетское солнце.

После пограничных формальностей, которые, впрочем, были не слишком долгими, кондиционированный автобус доставил их в находившейся совсем недалеко от аэропорта отель Sea Club о скромных четырех звездах.

Скромных? Впервые оказавшийся в подобном месте, Саша даже немного опешил от размеров и помпезности фойе! От мраморного пола, как бы золоченных колонн, статуй а-ля древний Египет, монументальной мебели. Дворец, да и только!

Территория отеля немного огорчила скудостью зелени, правда, ничего особенно другого увидеть он и не надеялся. Пустыня – она пустыня и есть. Зато не разочаровал номер.

Просторный, с огромным балконом, с великолепным видом на море и застрявший на рифах корабль. Мебель в номере, оказалась такой же несокрушимой, как и в фойе.

Пока они заселялись, раскладывались, осматривались, наступили сумерки. Эти тропические сумерки оказались очень короткими, совсем не такими меланхолически-бесконечными, как в северной России! Не прошло и пятнадцати минут после захода солнца, как темнота опустилась на Шарм-эль-Шейх.

Разобрав вещи и переодевшись, они направились к рецепшену, для встречи с гидом. Не спеша, шли они, утомленные перелетом, по выложенным кирпичом дорожкам, мимо бассейна с подсвеченной и будто бы голубой водой, мимо чахленьких, противоестественных здесь деревьев, мимо выложенного мозаикой фонтана и Саша чувствовал, как уходит прочь постоянное московское напряжение, как взгляд его освобожденный от забот, начинает подмечать мелкие детали окружающего, непривычного мира, как ласково дует ночной теплый ветерок, как тихо шепчут что-то морские волны...

Саша начинал отдыхать, и отдых обещал быть хорошим, но он даже не предполагал, как сильно эти предстоящие десять египетских дней, изменят всю его дальнейшую жизнь!

Они пообщались с неважно говорившим по-русски гидом, приобрели стандартный набор экскурсий, спустились поужинать в «ресторан», размерами и суетой напоминавший

вокзал, выпили в баре по чашечке кофе.

Они прошлись по берегу моря, по пляжу. Саша с удовольствием искупался бы, но, по каким-то загадочным причинам, ночью этого делать не разрешалось.

Тем замечательным, первым своим, утром в Египте, Саша проснулся рано и легко поднялся на ноги. Жена и сын еще спали. В номере было прохладно, кондиционер трудился всю ночь. Он открыл раздвижную дверь балкона и легкий ветер проник в помещение, зашевелил занавески.

Саша потянулся, протер глаза, натянул джинсы и вышел на балкон. Совсем рядом было море. Море синее, море блестящее, в утренних солнечных лучах. Отчетливо был виден застрявший на рифах корабль, а за ним, далеко в туманной дымке, просматривался высокий остров. Остров – гора, вырастающий прямо из морских волн.

На пляже почти никого не было, и он решил, что момент знакомства с Красным морем настал!

Тихо, стараясь никого не разбудить, Саша взял ласты и маску с трубкой. Все это было новое, заботливо купленное для него в Москве женой. Сама она не очень-то любила купаться.

Он выскользнул из номера, спустился по белой лестнице на первый этаж, вышел на пляж и направился к понтону

Ступая по деревянному, достчатому настилу, Саша смотрел с мостика вниз, и видел ноздреватое, серое дно, черных морских ежей, зеленые длинные водоросли, качавшиеся в такт волнам, ярких рыбок. Солнышко уже начинало припекать.

Там, где обрывался понтон, обрывалась и отмель. Вода за отмелью была темной, глубокой. Он надел ласты, аккуратно спустился по отвесной, двухметровой лестнице и погрузился в бирюзовую прохладу, опустил маску со лба на лицо и лег на воду. Вот тут-то все и случилось!

Саша, разумеется, ожидал увидеть что-то интересное, особенное, но открывшаяся ему картина, превзошла любые, даже самые смелые фантазии!

Отмель, которую он рассматривал с понтона, оказывается, являлась поверхностью кораллового рифа. Она обрывалась на страшную глубину, как показалось ему метров на сто, и дно внизу, не смотря на кристальную прозрачность воды, терялось, едва просматривалось в голубой дымке. На мгновение ему даже почудилось, что можно упасть вниз, что вода, настолько прозрачная не будет служить опорой!

Он не спеша поплыл вдоль кромки рифа. Это было красиво? Да нет, это ошеломляло, это была эйфория! Это была ожившая детская мечта! Это было то, что он мальчиком, видел по черно-белому советскому телевизору, представляя, додумывая цветовую гамму, то, что всегда манило его, но чего он даже и не мечтал увидеть наяву, тогда, в ныне далеком

детстве!

Кораллы розовые, голубые, зеленые, величаво качающиеся водоросли, стаи красных рыбок и крупные, с полметра, сине – желтые рыбины! Все залито солнцем, все искрится, сияет, рождает ощущение первозданной гармонии, счастья!

А ниже, настоящая голубая бездна! Величественная, торжественная, манящая.

Вот, наверное, именно в этот момент, и рухнула в ту самую голубую бездну, вся годами выстроенная и выстраданная, привычная Сашина жизнь, но он, разумеется, не знал, что так будет, а если б и догадался вдруг, совсем, совсем не факт, что это знание что-то изменило бы!

Тот отпуск протекал плавно, размеренно. Неизменными вехами каждого дня были завтрак обед и ужин. В промежутках между сном и едой жена и сын загорали на пляже либо купались в бассейне, а Саша, подобно маньяку, часами плавал вдоль рифа, все смотрел и не мог насмотреться на удивительный и прекрасный подводный мир.

Да! Еще были экскурсии. Если б не они, этот отдых точно напоминал бы пионерский лагерь.

Прогулка в пустыню на квадрициклах. Это когда штук тридцать одинаковых машин едут колонной, со скоростью не более 40 км/ч. Выезжать из колонны и обгонять нельзя, пылица стоит столбом, а гиды торопятся, чтобы не выбиться

из графика, ибо есть следующая группа, и еще следующая.

Но Саше понравилось. Он, как и его семья, не был избалован туризмом и развлечениями.

Следующая экскурсия оказалась еще интереснее! Началась она ранним утром с поездки на джипах.

По пустому шоссе, больше часа, два белых Лэндкрузера мчали группу русских туристов на север. По обеим сторонам дороги вздымались горячие, островерхие горы. Они завораживали какой-то страшноватой, мертвой красотой. Ни дерева, ни травинки. Нескончаемая каменная пустыня. Вот, значит, по какой местности сорок долгих лет водил свой избранный народ взбалмошный и первобытный библейский бог! Не мудрено, что «жестоковейные» евреи никак не хотели забыть горшки с мясом оставленные в Египте! Рабство, вероятно, казалось им раем по сравнению с такой свободой!

Да и вообще, кто собственно сказал, что свобода, это всегда и для всех благо? – подумал вдруг Саша. Вот взять Россию. После семидесяти с лишним лет советского правления, мы, вроде, получили свободу. Многие скажут, что не получали, но это будет неправдой. Получили. Получили свободные выборы, свободную прессу, свободу предпринимательства, свободу выезда за границу. Свободу быть бомжами, бандитами, проститутками, эмигрантами, наркоманами, бизнесменами, музыкантами, писателями, политиками. Кто мешал выбирать лучшее? Да ведь, если честно, никто! Мешали-то основной массе трудящихся только лень, бестолко-

вость и нерешительность.

Понравилась нам свобода? Подавляющему большинству нет! Потому, что не свободы, как скоро выяснилось, хотели мы, а хотели, как при коммунистах ходить на работу, выполнять там минимум обязанностей, получать гарантированную зарплату и пенсию, по возможности ни за что не отвечать, не принимать решений, но что бы при этом все было в магазинах и холодильниках, что бы по телевизору показывали иностранные фильмы, и модных музыкантов, что бы в каждой семье был автомобиль, чтобы за границу ездить отдыхать!

Ну, что ж? Все это более – менее осуществилось при президенте Путине, а ежели взять, например, Москву, так осуществилось, даже в очень значительной степени! И, кажется, подавляющее большинство граждан, совершенно довольны! Во всяком случае, об этом красноречиво говорят результаты выборов. А пролетающий по городским улицам черный Мерседес с мигалками, наполняет сердца таким же почтительным трепетом и раболепной завистью, как некогда черная Чайка коммунистического вождя!

А вы говорите свобода! Кому она нужна? Двум десяткам стареющих романтиков? Что хотели, то и имеем... – так мудрствовал Саша, обозревая из окна кондиционированной Тойоты Синайскую пустыню.

Он отвлекся от своих мыслей, когда джипы свернули с шоссе и погнались на хорошей скорости по дну Цветного

каньона. Машины лавировали между огромными валунами, подлетали на ухабах, скользили по гравию в управляемых заносах, в салоне надрывалась арабская музыка, шлейф белой пыли стелился за ними, как невесомый, пушистый хвост! Было здорово! Правда, совсем не получалось рассматривать Цветной каньон, который, как обещали, должен был произвести впечатление, но об этом никто и не думал! Атракцион и без этого вполне удался!

Минут через 15 этого безумного ралли, совершенно неожиданно, они оказались на берегу моря и остановились около каких-то ветхих тряпишно-бамбуковых строений. Это была бедуинская деревня Рас-Абу-Галум.

Предполагалось, что все здесь будут купаться, но, почему-то, никому не захотелось лезть в воду. Один только Саша поплавал с маской, не желая упустить возможность видеть, что есть интересного под водой в этом новом месте.

Потом они обедали, сидя на застеленном ковриками и подушками полу бедуинского жилища. С интересом пробовали очень подозрительную жареную рыбу, и люля, якобы из верблюжьего мяса.

За обедом, туристы начали общаться, знакомиться, выяснять кто, откуда и, как и что. Саша обратил внимание на полного мужчину, который был в Египте далеко не первый раз и рассказывал много всего интересного, а также на двух девушек, в которых азиатская внешность, сочеталась с высоким ростом, грацией и красотой лиц, что вообще-то случа-

ется довольно редко. Саша рассматривал их украдкой, боясь, что его взгляды заметит жена.

Напрасно он прятался. Она все равно заметила, но вопреки его ожиданиям не рассердилась, а просто пошутила над ним, и они посплетничали на тему: «а кто бы это такие могли быть?»

После обеда был восьми километровый переход на верблюдах из Рас-Абу-Галум в Блю холл.

Упитанный знаток Египта, забираясь в седло, сказал: – Каждый раз, сядя на верблюда, вспоминаю Дядю Степу: «Эй, товарищ, вы откуда? Вы раздавите верблюда!»

Всадники двигались, растянувшись цепочкой, по узкой полоске между отвесными склонами гор и морем. Умные животные шли, по камням, над морскими волнами ступая осторожно. Туристы раскачивались в седлах, обозревали море, небо и горы, а раскаленный диск тропического солнца висел в зените, прямо над их головами распространяя убийственный жар! Полтора часа пути здорово вымотали всех. Захотелось в тень, в прохладу, захотелось пить и отдыхать.

Мудры и опытны были организаторы экскурсии! Туристы, сполна, обрели в Блю холле, все, о чем мечтали, раньше, чем игра в караванный путь утомила их по-настоящему.

Спешившись, они расположились на подушках, в прохладной тени кафе «Эль Фонар». Пили ледяные фруктовые коктейли, которые казались им после верблюжьего путешествия под солнышком, удивительно вкусными, а возможно,

и вправду были таковыми.

Пережитые тяготы пути сплотили людей. Они беседовали теперь непринужденно, созерцали Блю холл, знаменитую Голубую дыру, правда, никто из них, включая гида, не знал, чем она, собственно, так уж знаменита.

Блю холл представлял собой кольцевой риф, немного не доходивший до поверхности моря. Таким образом, получался почти правильной круглой формы колодец диаметром метров 60 – 70, который, по свидетельству «Дяди Степы», уходил на огромную глубину. Туристам предлагалось поплавать в этом колодце.

Почему-то никто опять не захотел, хотя, вроде так естественно было искупаться в голубой прохладной воде после утомительных трудов перехода!

Саша снова пошел в море один и разочаровался. Никаких красот в этой Голубой дыре он не обнаружил. Вода была темной и мутноватой, дна не было видно, а около стенок кораллового кольца ничего особенного он не заметил, рыб, и прочей живности не было почти совсем, зато несколько аквалангистов, прямо на глазах у него ушли в глубину. Они выглядели в воде неестественно огромными, черными. Гирлянды серебристых пузырей тянулись от них до самой поверхности. Они показались тогда Саше существами из какой-то другой жизни. Вообще-то, практически, так оно и было.

Но и это был еще не конец длинной и насыщенной экскурсии! Они снова погрузились в джипы и их отвезли в со-

седний городок Дахаб.

Саша не сразу понял, зачем их вообще туда повезли. Из окна Лэндкрузера взору открылся унылый, пыльный поселок, с кучами мусора на тротуарах, с однотипными, квадратными, двухэтажными домами за каменными заборами с местами обвалившейся штукатуркой. Решительно ничего интересного он в этом городишке не видел, и больше всего желал вернуться скорее в отель, принять душ, развалиться в шезлонге на балконе, пить прохладную кока-колу, и наблюдать наступление вечера.

Он понял, для чего их привезли в этот Дахаб, когда машины остановились на какой-то улице и гид повел туристов по сувенирным лавкам.

Решительно никаких сувениров Саша в тот момент покупать не собирался, жена была с ним солидарна, а потому в лавки заходить они не стали, опасаясь атак приставучих местных продавцов, просто стояли на улице, курили, мучились жаждой и ждали, когда все это, наконец, кончится.

Таким образом, концовка замечательной экскурсии была подпорчена, а Дахаб остался в памяти у Саши, как самое унылое и безнадежное место в мире.

Вечер и весь следующий день они провели в отеле, наслаждаясь цивилизацией и комфортом. Они загорали в шезлонгах у бассейна и на пляже. Купались и выпили немало ледяной кока-колы. Зря что ль платили за «все включено»?!

У них оставались еще две экскурсии. Первая в национальный парк Рас – Мохамед. Программа включала погружение с аквалангом. Собственно, ради него, ради погружения они туда и ехали. Погружаться, правда, собирался только Саша, жена его, Светлана, была далека от желания ставить на себе подобные опыты.

Вторая предстоящая экскурсия была главной – это была поездка в Каир, поездка к пирамидам! Саша очень ждал этого события, очень хотел увидеть это чудо древнего Египта.

Некоторые знакомые, уже побывавшие в Каире, говорили, правда, что ездить не стоит. Что дорога настолько длинная и тяжелая, а около пирамид так жарко, что ничего хорошего в итоге не получается, но Саша им не верил. Как это ничего хорошего?! Увидеть ПИРАМИДЫ и ничего хорошего?! Этого просто не могло быть!

Рас-Мохамед оказался интересным местом. Там росли мангровые деревья, которые питались соленой морской водой. Рощи мангровых деревьев! Так странно было видеть эту сочную зелень среди желтого, безжизненного песка!

Той же водой, пришедшей из моря, были заполнены страшные, глубоко разрезавшие породу, неровные трещины – следы землетрясения. Светло-желтый песок, лазурное море. Красота! Но самое интересное, как и всегда в Египте, было скрыто под морской гладью! Саша, волнуясь, ждал погружения.

Он пробовал уже однажды нырять с аквалангом. Это было в Турции. Он тогда так толком и не смог продуть уши, а потому, боль, и страх за перепонки лишили его возможности получить удовольствие от подводных пейзажей Средиземного моря. Да вроде там особенно и не на что было смотреть, кроме круглых валунов на дне, и стайки рыбок, которых инструктор приманил с помощью какой-то еды, завернутой в марлю.

Там, в Турции, после подъема на поверхность, Саша почему-то ощущал слабость и тошноту. Ему было настолько нехорошо, что пришлось воздержаться и от обеда, и от второго погружения. Он огорчился. Как обидно! С самого детства мечтал нырять в морские пучины, а когда такая возможность появилась, так оказалось, что он не годен для этого! Все остальные-то чувствовали себя вполне нормально!

И вот в Египте он решил попробовать еще раз. Вдруг тогда это была просто случайность?

Когда время пришло, всем отважным ныряльщикам раздали гидрокостюмы, более-менее подходявшие по размеру.

Прыгая босяком по горячей гальке, и обжигая пятки, Саша натянул костюм, затем ласты. Инструктор помог ему и второму своему подопечному водрузить на спину баллоны, и закрепил на них прочные пояса, с тяжелыми, свинцовыми грузами. Пятясь, они втроем вошли в воду.

Надо же! На этот раз все прошло замечательно! Саша легко продулся, и ни что не мешало ему наблюдать мир Крас-

ного моря! Это было великолепно! Очень скоро он понял, что этот подводный полет, стал самым лучшим, самым красивым и волнующим приключением, не только в этой поездке, но, пожалуй, и во всей его жизни! По сравнению с этим, плавание с масочкой по поверхности – было просто детской забавой!

Он видел ската, видел крылатку, видел совсем близко, рядом, но даже не в этом было дело, а в том, видимо, что на время, он как бы слился с подводным, сказочным миром, будто стал ненадолго его частью, и это было прекрасно!

Все! Собственно, он полагал, что на этом его подводные приключения и закончатся. Мечтал увидеть тропическое море, кораллы, рыбок? Увидел. Мечтал нырнуть с аквалангом? Нырнул. Ну, и замечательно! Хорошенького, как говорить-ся, понемножку! Впереди его ждали еще призраки пирамид! Его вторая и, наверное, более важная мечта!

Вообще, это был сезон «сбычи мечт»! Говорят, лучше мечтам оставаться мечтами. Может и правду говорят?

Автобус отправлялся в час ночи. Начиная с половины первого отбывающие на экскурсию в Каир начали собираться в огромном, и по причине ночного времени полутемном фойе отеля. Саша со Светланой и сыном сидели на циклопическом диване, перед исполинским, мраморным журнальным столом (сказать столиком – не поворачивается язык!),

ребенок дремал, взрослые курили, ждали.

Около часа появился гид и пригласил всех пройти в автобус.

Предполагалось, видимо, что в пути туристы будут спать и утром прибудут в Каир отдохнувшими и свежими, но на деле, все получалось несколько иначе.

Сначала автобус долго кружил по Шарм-эль-Шейху, собирая людей из разных отелей. Спать никому не хотелось. Потом, когда двинулись, наконец, в дорогу и кое-кто начал дремать, все были разбужены на блокпосту для проверки паспортов. Затем, вроде, уже ничто не мешало забыться, но начало светать, а за окном, в фантастическом, неземном каком-то освещении оказалась песчаная, настоящая пустыня, прямо, как с картинки из школьного учебника географии и невозможно было на это не смотреть!

А после тоннеля под Суэцким каналом была остановка в придорожном кафе, не рафинированном, сделанном для туристов, а видимо, обычном, Египетском. Там не было кондиционера, зато, были зеленые, грязные, пластиковые столы, духота, мухи, короче – Африка, такая, какой Саша себе ее и представлял.

После этой остановки сон уже пропал совсем и до самого Каира все глазели в окна на бесконечные заборы аэродромов, танковых полигонов и прочих военных объектов, коими Египет оказался на удивление богат. Когда же автобус, наконец, въехал в Каир, то Саша просто обалдел от этого неверо-

ятного города и до самой Гизы не мог закрыть рот, раскрывшийся от удивления!

Вспомнились ему сцены из многочисленных, похожих один на другой американских фильмов, где такой классический, красивый кино-блондин, с серыми глазами и волевым подбородком, разведчик, или преступник, или журналист, а чаще, все это сразу, одетый в джинсы, кроссовки и Т-шотку, с такой, дорожной сумкой на ремне, как вариант, с фотокамерой, шагает по тротуарам некоего восточного города, где с ним должно что-то такое произойти.

И вот город этот, он ему ну, совершенно чужой! Будто он пришелец с другой планеты! В этом городе все не так! Не такие, как в «нормальных» местах люди, на них не такая, как на нем одежда, у них другие глаза!

Дома не похожие на те, что строят в «цивилизованных» странах. Мечети. Много, очень много мечетей.

Плотнейший транспортный поток, а в нем старые автобусы битком, и народ свисает из незакрытых дверей. Раритетные машины, повозки влекомые ослами, велосипеды, грузовики, набитые под завязку бог знает чем. На тротуарах пешеходы в халатах, женщины в черных платках и хиджабах, лавки и сидящие возле них на корточках мужчины с чаем, с сигаретами, с кальянами.

Недостроенные дома без крыш и окон в которых уже кто-то живет и ветер треплет белье на веревках.

Вдруг, около Нила, поля прямо посреди города!

И современные небоскребы рядом, и старинные дворцы, и вполне европейские 19-го, видимо, века жилые дома. И кучи мусора на тротуарах, и тут же козы его жуют. И над всем этим солнце, огромное, испепеляющее. Короче – ад, как он есть!

Вот таким увидел Каир Саша. Не удивительно, что он совершенно обомлел!

Автобус перевалил по мосту через широченный, мутный и знаменитый Нил. И наконец, за окном появились долгожданные пирамиды!

Когда туристы вышли на улицу, и кто-то закурил, а кто-то начал разминать затекшие от долгого сидения ноги, оказалось, что за пределами кондиционированного салона очень даже жарко, но поначалу Саша не обратил на это никакого внимания.

Еще бы! Его мечта осуществлялась! Прямо в реальном времени! Он смотрел, смотрел своими, собственными (понимаете ли, вы?) глазами на Великую Пирамиду Хеопса! И тут, впервые, странное, неуловимое чувство, которое уже неоднократно возникало у него во время этого Египетского отпуска, он сумел поймать за хвост, удержать и осмыслить.

Это было, оказывается, просто ощущение некоторой нереальности происходящего. Ощущение, какой-то отстраненности. Будто это не он, Саша, смотрел на пирамиду, а словно бы он смотрел фильм про кого-то, кто смотрит на нее. А чуть ранее, это был фильм, про погружение с аква-

лангом, про людей, едущих на верблюдах берегом Красного моря.

Да! Именно отстраненность! Египет был отдельно, Саша отдельно. Если разобраться, ничего удивительного в этом не было.

Он был турист, на минуточку попавший в новую для него и совершенно чужую страну. Он даже не погружался в ее жизнь. Он был даже не дайвер в море, тот хоть и берет с собой в чужую среду запас воздуха, хоть и защищает лицо маской, но он ПОГРУЖАЕТСЯ в море! Он ощущает его температуру, плотность, вкус и цвет. Он движется вместе с морем. А турист от агентства «Тез-тур», не подводный пловец, и даже не пассажир развлекательной субмарины, он посетитель океанариума.

Он прибывает на Синай не пешком, а при помощи авиалайнера (обычно, американского производства) и сразу же, толком не ощутив жару, попадает в совсем не характерное для этой страны модное здание аэропорта, где неустанно трудятся кондиционеры. Затем, автобус (изготовленный в Германии или по германскому рецепту), опять же с искусственной прохладой в аккуратном салоне, доставляет его в совершенно силиконовый отель, который находится в таком же синтетическом, созданном специально для туристов городе Шарм-Эль-Шейхе. И городом-то назвать Шарм сложно, ибо город это состоит из одних отелей.

Потом, на экскурсиях, такие же невсамделешные автобу-

сы, перемещают его от одного красивого места к другому.

Таким образом, турист видит не Египет, а только то, что ему считают нужным показать. То, что с его согласия, и для его удовольствия ему втирают под видом Египта!

Эта простая мысль созрела и оформилась в Сашиной голове гораздо позже, а в тот момент, стоя у подножья пирамиды, он просто отметил, что, похоже, это продолжается просмотр передачи «Клуб кинопутешественников», подумал, что это забавно и тут же забыл о своем мимолетном откровении.

Нет! Ни на секунду не удалось ему проникнуться настроением, которое пристало бы такому значительному моменту. Моменту воплощения мечты! Не смог он прочувствовать, преклониться, ощутить. Не судьба было.

К ним тут же пристали с навязчивыми предложениями купить открытку, сувенирчик, прокатиться на верблюде, сфотографироваться. Стоило отбиться от одного, тут же подходил новый «бизнесмен».

Вокруг пирамиды было нереальное количество туристов, продавцов, верблюдов, мусора и верблюжьего дерьма. Отступив назад от сильно наседавшего торговца «подлинными» папирусами, Саша вляпался в это самое дерьмо, и долго, раздраженно вытирал сандалию о древние камни. Настроение у него подпортилось и он, решив сэкономить 50 долларов, не пошел внутрь пирамиды Хеопса. Кто бы мог подумать, что его остановит такая невеликая сумма?! Конечно, дело

было не в деньгах. Деньги стали, скорее, оправданием отказа. Почему-то ему туда совершенно не хотелось, и, кажется, верблюжье дерьмо тоже было не причем.

Почему, вдруг, не захотелось? А бог его знает! Но не захотелось так сильно, что будь его воля, он, возможно, тут же покинул бы и вожделенные пирамиды, и безумный этот Каир и возвратился бы скорее в Шарм-эль-Шейх на берег Красного моря.

Но, поскольку возможности сбежать не было, пришлось действовать Саше по схеме, намеченной для него туроператорами. Они обошли пирамиду кругом, не особо понимая зачем. Собственно, она со всех сторон была одинаковой.

Можно было бесплатно войти в маленькую, притулившуюся подле большой, пирамидку. Вроде как она принадлежала жене фараона, то ли Хеопса, то ли какого-то другого, кажется, гид толком и сам не знал. Ну, что ж, они зашли.

Низкий и узкий тоннель круто спускался вниз, под землю. Для удобства туристов, каменный пол был закрыт досками с приколоченными к ним деревянными поперечными планками. Тоннель был метров десять длинной, в конце его оказалась довольно просторная погребальная камера, освещенная электрическими лампочками. Ничего примечательного. Просто душный каменный мешок, из которого хочется скорее выйти.

Затем, была пирамида Хефрена. Ее спокойно можно было пропустить, потому, что какая разница? Пирамида чуть

больше, пирамида чуть меньше.

Не нравилось, что-то Саше здесь, а Светлане не нравилось еще больше. У нее была чуткая к черным энергиям душа.

Во время осмотра сфинкса, стало уже невыносимо жарко, страшно хотелось пить, и что бы там не рассказывал гид, это уже не представляло ровно никакого интереса, а сын уже откровенно требовал кока-колы и желал идти в автобус, там хоть прохладно!

Еще их отвезли в галерею при фабрике папирусов и в салон при фабрике парфюмерии. Вот в салоне парфюмерии оказалось хорошо! Там было прохладно, там приятно пахло. Их усадили на диваны и угостили ледяным каркаде. Они даже купили что-то для Светланы, возможно, как раз потому, что никто не настаивал на покупке, а просто хорошо владевшая русским языком, приятная пожилая женщина, сладко рассказывала про различные благовония и предлагала понюхать.

А потом был Каирский музей, и в нем было душно, и там было такое количество, вынесенных из гробниц, статуй, сосудов, саркофагов, фигурок, что все это смешивалось в голове в один страшный, абсолютно нечеловеческий, пахнущий тысячелетней смертью ком!

– Я хочу уйти отсюда! Все это не для живых! Неужели никто не чувствует! – прошептала в конце концов Светлана.

Перед отправлением в обратный путь их покормили в плавуем, с видом на Нил, ресторане. Покормили довольно

скверно, а Нил, как выяснилось, пахнет похуже Яузы, и Саша со Светланой порассуждали за обедом на тему: «... а водятся ли еще в этой реке крокодилы? Вроде, как должны». Крепко подумав, они решили, что в верхнем течении, наверное, а здесь уже конечно нет.

На обратном пути, когда дорога ушла в сторону от Суэцкого залива и безвозвратно канула в пустыню, а на землю спустилась темнота, Саша задремал. Это был не глубокий, тревожный, поверхностный сон.

Во сне этом, он мучительно медленно, на ватных чужих ногах двигался по какой-то тропинке, в сумерках, в незнакомой пустынной местности. Он не знал куда и зачем идет, он просто зачем-то двигался вперед, потому, что так надо. Зачем надо? Этот вопрос во сне не пришел ему в голову. Кажалось, самый воздух вокруг был пропитан мукой и тоской. Саша не знал, когда он начал этот путь и завершит ли его когда-нибудь.

Внезапно, он остановился, как вкопанный. Дорогу ему преградил Анубис. В этой своей ипостаси он был не человеком с головой шакала, а просто немного странной, остромордой черной собакой, но Саша, почему-то, точно знал, что это он, Анубис – древний бог, правитель запада, проводник душ в царство усопших. Во сне он не показался Саше ни страшным, ни величественным.

– Здравствуй! – сказал Саша, ему вдруг стало легко, вся тяжесть странного сна мгновенно исчезла – Ты уже за мной?

– Даже не мечтай! – запросто ответил бог – Не так быстро!

– Тогда зачем ты пришел? – спросил Саша и добавил без всякой связи – Знаешь, ты похож на мою собаку. Только ты черный.

– Черный – это неполиткорректно! – Анубис явно дурачился.

Саша засмеялся. Засмеялся легко и беззаботно, как в детстве.

– Почему мне весело с тобой? – поинтересовался он и совершенно не смутился наивностью своего вопроса.

– Потому, что ты, узрев Владыку Запада, немедленно размечтался о конце земного пути, освобождении и вечном блаженстве, но, как я уже сказал, рановато.

– Рановато? Но... но раз я тебя вижу, значит... значит все это правда существует? Боги, загробный мир, рай, ад? – спросил Саша, волнуясь.

– Ой, как скучно! Не ожидал от тебя! Надеюсь, ты не намерился цитировать все неправильные греческие переводы неправильных книг евреев? Пожалей мои чуткие уши! Молчи и слушай. Как ты верно догадался, я пришел не просто так. Я хочу предупредить тебя и дать тебе шанс. Скоро кое-что будет тебе показано. Постарайся не пропустить и сделать выводы.

– Ты решил дать этот шанс именно мне? – спросил удивленный вниманием бога к своей персоне Саша.

– Разумеется! А то кому, если я пришел к тебе?

– Неожиданно! А что это за шанс?

– Шанс изменить кое-что в твоей истории. Только и всего.

– Только и всего? Спасибо. В какой истории?

– В твоей. В той, которую ты пишешь каждый день и каждую минуту!

– Это в жизни что ли?

– Ты невероятно догадлив! – Анубис явно глумился.

– Чем я заслужил такое внимание?

– У тебя потрясающее самомнение! Ты возомнил, что шанс будет дан только тебе? Или, что ты, как минимум один из немногих?

– Да. Я так понял. – смутился Саша.

– Знаешь, вы все забавные! Каждый по-своему, но смешные все! Разумеется, шанс дается каждому.

– Ты приходишь ко всем?

– Конечно! Конечно я прихожу ко всем, но каждый видит меня по-своему. Кто-то видит светлого ангела, кто-то пророка, кто-то Будду с огромным количеством рук, а кто-то Анубиса похожего на его собаку. Я есмь Альфа и Омега! Кажется, так в вашей любимой книге? Забавно, что в еврейском алфавите, на котором написан оригинал, если он существовал, нет буквы альфа, а уж тем более буквы омега!

Сказав это Владыка запада почесался совсем по-собачьи. Саша засмеялся и проснулся.

Автобус стоял около блокпоста. Светлана дремала, прильнув головой к стеклу. Спали практически все пасса-

жиры. Передняя дверь была открыта, оттуда доносился приглушенный разговор на арабском. Водитель и охранник, что-то отвечали на вопросы офицера.

Саша так и не понял, кто эти люди в форме на блокпостах? Армия? Полиция? И зачем они вообще нужны, эти блокпосты в мирной, вроде бы, стране?

Паспорта проверять не стали, дверь закрылась, и автобус двинулся, набрал скорость, понесся к уже совсем недалекому Шарм-эль-Шейху.

Почему-то Саша больше не хотел спать, он смотрел в окно, на проплывающие мимо придорожные фонари, пальмы, спящие отели и было ему грустно. Очень! Щемяще грустно!

Он подумал, что грустно ему от того, что заканчивается отпуск. Еще один день, одна ночь и все...

И тут же понял, что нет! Грустно ему не поэтому, точнее, не только поэтому. Что-то еще другое, шевелилось в душе, острыми кошачьими коготками царапало сердце. Что же?

Вдруг, вспыхнули в подкорке огненные буквы альфа и омега, и тут же вспомнил он свой сон, и понял, что более всего беспокоит его именно буква омега! Безусловно, именно она рождала эту грусть и безысходную тоску!

Но почему? Кажется, это была просто шутка черного пса Анубиса, который к тому же приснился. Эта буква символ конца. Незавершенный круг. Это еще логотип знаменитой швейцарской часовой фирмы. Почему именно эту букву они выбрали? Просто красивый символ? Она символизирует ко-

нец, а время будто бы бесконечно. Странно. Почему именно омега? А может, правда мы что-то, когда-то неверно поняли? И омега означает вовсе не конец, а наоборот, бесконечность? Точнее, незавершенность? Незавершенный круг, концы которого никогда не сойдутся, бесконечное рисование невидимого круга часовой стрелкой на циферблате вечности? Может быть. Все может быть, но почему мысли об этом рождают такую грусть?

Наверное, я просто устал – подумал Саша – Да еще все эти саркофаги, мумии. Тут не только Анубис приснится! Да и не какой это не Анубис, а просто мой пес, только почему-то черный.

Саша снова проснулся, когда автобус остановился у стеклянных дверей отеля Sea Club.

Москва. Июль – Август 2006

Через несколько дней, загорелый и отдохнувший Саша, Саша излучающий во все стороны еще не растраченную энергию, стоял в курилке головного офиса, и размахивая руками, взхлеб рассказывал сослуживцам о Красном море, о Каире, о погружении с аквалангом. Рассказывать он умел, его любили слушать. Дождавшись паузы в потоке Сашиного красноречия, один из его коллег, хороший его знакомый, Максим, вдруг спросил:

– Это был интродайв?

– Что? – не понял Саша.

– Ну... – Максим помялся. Он всегда говорил неторопливо, обдумывая слова – не глубже семи метров, двадцать минут, за ручку с инструктором?

– Ну, да. – ответил Саша.

– Интродайв. – утвердительно кивнул головой Максим – Это, знаешь, не дайвинг. Ерунда это.

– Ну, Макс, – удивленно возразил Саша – А как по-другому? Это ж сертификат какой-то нужен. Учиться где-то надо.

– Это не так сложно, как ты думаешь. – Максим подмигнул – Если тебе так понравился интродайв, стоит попробовать нырнуть по-настоящему.

Максим улыбался, и испытующе смотрел на Сашу, будто ему было интересно, что тот ответит. Он словно безмолвно

и весело спрашивал: Что? Слабо?!

Саша отвел глаза, посмотрел в окно. Близко к окну росла береза, шелестела себе зелеными листочками. Ласковое июльское солнышко сквозь листву проникало в курилку, освещало облака табачного дыма. Саша, краем сознания вспомнил, что Максим не курит, и значит стоит в этом чаду только ради его рассказов. Еще он подумал, что собственно, все дела здесь в офисе он сделал, всех повидал и надо ехать на свою территорию, работать.

– Пойдем на улицу – сказал он Максиму – Поговорим, да и поеду я.

– Во, во! Лучше на улицу. – согласился Максим.

Они спустились на первый этаж, вышли из здания, не спеша пошли к автостоянке.

– Ну, расскажи! – попросил Саша – Чего, где, куда, сколько?

– Есть один парень – неторопливо сказал Максим – Инструктор. Он меня учил. Если хочешь, я ему позвоню, познакомлю вас, договоритесь.

И Саша вдруг понял, что хочет! Причем, хочет так сильно, как мало чего хотел в жизни!

– Давай! – сказал он – Давай, Макс, позвони ему!

Глаза у Саши заблестели от нетерпения, и Максим заметил это. Он довольно хмыкнул.

– Ну, ты, Сань, не торопись так уж. Не убежит. Я как все узнаю, позвоню или напишу в «аську».

– Ну, давай! Я буду ждать!

Они попрощались и Саша сел в машину.

Учеба началась в конце августа, когда листья на деревьях стали потихоньку желтеть, и золотая осень незаметно проникла в Москву.

«Клуб любителей безопасного дайвинга» находился на тихой, примыкающей к парку «Сокольники» улочке, на втором и последнем этаже старого, даже старинного ветхого здания. В тиши полутемного коридора под ногами скрипел вспученный паркетный пол.

– Здесь! – сказал Максим, распахивая перед Сашей и еще одним их сослуживцем, который так же пожелал обучиться, на всякий случай, дайвингу, высокую обитую черным дерматином дверь.

Инструктор, оказался человеком, лет 35, одетым в джинсы и светло-зеленую, а-ля военную рубашку. На запястье у него, неожиданно оказалась совершенно хиповская цветная фенька, будто перекочевавшая сюда из начала восьмидесятых, из мятежной Сашиной юности.

Инструктор имел светлые, коротко остриженные волосы, улыбка его была располагающей, правда, чувствовался в ней некоторый профессионализм, искусственность.

Саша тонко это почувствовал, потому, что и сам зачастую

так же улыбался и подчиненным своим, и клиентам.

Ну, и что? – подумал он – Человек работает. Что ж такого?

– Вот тебе студенты, Дмитрий! – Максим непринужденно опустился на диван – Этот, кстати, уже нырял – добавил он, указывая на Сашу.

– Ну, хорошо... – Дмитрий помялся, будто ища нужное слово, и не найдя его, сказал – Давайте начнем, тогда? Чего тянуть? Пойдемте в класс. – и он открыл дверь в соседнее помещение.

– Давайте, давайте! Я пока займусь чаем, а потом посижу с вами, тоже послушаю – сказал им вслед Максим.

«Класс» оказался небольшой комнатой, где по стенам висели гидрокостюмы и еще всякие предметы неизвестного назначения. В углу стоял большой жидкокристаллический монитор, по центру, сложной формы стол и несколько табуретов вокруг него.

Саша с товарищем сели с одной стороны стола, а Дмитрий с торца, справа от них.

– Я, инструктор PADI, Дмитрий Светлов, номер моей личной карточки 5*****2, приветствую Вас на курсе «Open water diver»!

Саша изумился. Что это такое происходит? Только что был человек, как человек, и вдруг... Откуда этот официальный роботизированный текст?

Но это был просто обязательный предварительный ритуал, рожденной в Америке, международной системы PADI.

Слава богу, дальше Дмитрий говорил и вел себя, как вполне нормальный, и не лишенный юмора человек.

Что сказать? Он учил их нырять «настоящим образом». Бывало с шутками-прибаутками, но совершенно не допуская халтуры, не делая никаких послаблений. Это касалось и теоретических занятий, и практики в бассейне. На втором занятии к ним присоединились еще два человека.

Через две насыщенных недели, почти вся теория была пройдена и зачтена, все обязательные навыки отработаны в бассейне. Оставалось сдать «открытую воду», т.е. выполнить ряд упражнений в естественном водоеме.

Это можно было сделать когда-нибудь на море или сейчас, например, на Белом озере в 210 км от Москвы, где, по словам Дмитрия, для этого были все условия, правда, вода, конечно, будет прохладной.

Саше совсем не хотелось откладывать «открытую воду» на неопределенное «потом». Ему хотелось довести дело до конца, и он нашел в этом понимание у остальных студентов. Все единодушно решили сдавать «открытую воду» немедленно, на Белом озере.

Белое озеро. Сентябрь 2006

Была середина сентября. Пятница выдалась погожая. Небо над Москвой было ясным, приятно пригревало солнышко, и ежели, кому-то пришла бы фантазия задрать голову, и взглянуть наверх, сквозь кроны деревьев, то золотая листва, еще даже не собиравшаяся опадать, вероятно, показалась бы этому наблюдателю, неправдоподобно яркой на лазурном фоне.

Уже с утра Саша с его сослуживцем, который составил ему компанию в обучении дайвингу, начали выяснять на чьей машине следует ехать. В сущности, препирался Саша для проформы. Ему нравилось ездить за рулем, да и машина его была больше, комфортабельнее, а путь предстоял, не то что бы, прям далекий, но все-таки приличный.

Саше нравилась его машина. Нет, он, конечно, понимал, что ее нельзя назвать сильно шикарной, но у него такой никогда прежде не было! Все-таки это был Форд Мондео, хоть и не новый, но еще далеко не помойка. С автоматом, рикаровским салоном, на красивых литых дисках, с климат контролем и прочими электронными радостями, но самым главным был двигатель. Двух с половиной литровая, V-образная шестерка о 170 силах! Бывают, конечно, на свете моторы и гораздо мощнее, но для относительно небольшого и легкого Форда этого агрегата было более чем достаточно! При же-

лании, переведя коробку в спортивный режим, и как следует наступив на газ, он мог разорвать пополам 8 из 10-ти автомобилей, которые могли встретиться ему на Московских улицах! Саша редко пользовался этой возможностью, но сам факт ее наличия радовал его, поднимал настроение, будто это не автомобиль был быстрее многих, а сам обладатель чем-то лучше большинства.

Да, нет, он не был дураком и прекрасно понимал комичность этого нелепого, будто приходящего откуда-то извне, а не из его собственного сознания ощущения превосходства. Понимал, и бывало, посмеивался над собой, криво ухмыляясь, ведь любой новый Хендай стоил дороже его Форда, да и вообще, разве по автомобилю судят человека? Понимал, но подделать с собой не мог ничего! Видимо, он бессознательно пытался добрать эмоции недополученные в молодости.

Так вот, в ту пятницу, Саша и его товарищ Семен ушли с работы немного раньше обычного, а именно в пять часов вечера. Все прочие участники предстоящих погружений выдвинулись на Белое озеро утром, и вероятно, уже были на месте. Саша же не мог оставить свой пост. Пятница была днем зарплаты. Почему-то так было заведено на фирме, что зарплату считал и выдавал в каждом из филиалов исполнительный директор.

Только к двум часам дня бухгалтерия, наконец-то соизволила сбросить ему на почту «ведомость заработной платы сотрудников территории». До трех часов они с начальни-

ком цеха, колдовали над ней, кому-то добавили за заслуги, с кого-то сняли за пригрешения. Потом Саша отправил «издание переработанное и дополненное» обратно в бухгалтерию. Еще через минут сорок, пришло одобрение финансового директора. Затем Саша получал деньги у кассира, считал, торопясь, распихивал их по конвертам, конструировал авансовый отчет, который никак не желал сходиться. Наконец, к пяти часам он все и всех победил, водрузил стопку готовых, заклеенных конвертов начальнику цеха на стол.

– Раздашь потом, ладно?

– Ладно.

– Ну, все. Мы погнали!

Предчувствие дороги, новых мест, новых ощущений уже захватило Сашу. Перед его мысленным взором уже летело шоссе, уже рисовались в фантазиях и озеро, и коттедж на берегу, и разумеется, погружения.

– Вы давайте поаккуратнее там! Много не пейте!

Это была шутка. Все прекрасно знали, что Саша практически не пьет из-за своего желудка и вечного «За рулем». Он улыбнулся, закурил, взял с вешалки свою джинсовую куртку, перекинул ее через плечо и торжественно вышел из кабинета, бороться с трудностями и опасностями!

Он пересек, двор, вошел на приемку.

– Бросай грязную работу, Семен! – обратился он к товарищу – Давай, иди, переодевайся, а я заведу пока.

Впрочем, через минуту он вернулся обратно, потому что

забыл ключи от машины и телефон в кабинете. Пришлось еще раз прощаться, и вообще возникла какая-то чепуха.

Семен вышел на улицу почти сразу следом за Сашей.

– Сань, я тут пару баночек пива взял... – изображая некоторое смущение, сообщил он – Ты не против, если я по дороге...?

– Лишь бы на здоровье! – весело перебил его Саша.

Семенова сумка разместилась в багажнике рядом с Сашинной. Хлопнули дверцы, сыто заурчал двигатель, автомобиль вырулил со стоянки на довольно свободную улицу. Саша поддал газу, и они помчались к его дому, за Светланой.

Будь на то Сашина воля, он не стал бы брать ее с собой. Да и, наверное, далеко не каждая женщина сама захотела бы ехать. Действительно, ну, что собственно делать женщине, в чисто мужской, как думал Саша, компании? В какой-то глуши, около поселка Спас-Клепики, где все к тому же, будут заняты погружениями? Чего ради, ей переться за 210 километров, а потом обратно? Вероятно, очень многие, отказались бы от такого предложения.

– Я бы с удовольствием поехала посмотреть, как ты ныряешь, милый! – сказали бы они – Но только я давно обещала подруге (матери, сестре, отцу), что приеду в гости. Столько раз обещала, и все время не получается. Так неудобно! Давай, в эту субботу я наконец выполню эту тяжкую обязанность, а ты один съездишь? Хорошо?

Ну, во всяком случае, так представлялась Саше реакция

нормальной женщины. Но Светлана была не из таких! Она была готова идти за ним хоть на край света и не желала отпустить одного никуда.

Не сказать, чтобы ему это нравилось. Ладно, что без ее присутствия он не мог и пива выпить с друзьями. Ладно, что на любое корпоративное мероприятие он являлся в сопровождении, к этому все давно привыкли, хоть и подшучивали, мол, ты в одном лице не бываешь. Но ведь доходило до абсурда! Право пойти на вечер встречи с одноклассниками ему пришлось отвоевывать через скандалы и Светланины слезы!

Так было не всегда. Когда-то, и до, и впервые годы после свадьбы, все было совершенно обычно и нормально. Но потом, в какой-то пропущенный Сашей момент, со Светланой что-то произошло, будто болезнь какая-то приключилась! С течением времени это прогрессировало и к сорока годам, она стала отчасти напоминать персонаж из «Соляриса», казалось, она тоже способна голыми руками разорвать стальную дверь, для того только, чтобы не оставаться ни минуты одной, без Саши.

Слава богу, на работу ему ходить позволялось, хотя и это ей не очень нравилось.

На самом деле, думаю, очень немалому количеству мужчин понравилась бы такая преданность и верность. Светлана была абсолютно верна мужу, даже кокетства с другими мужчинами она не допускала уже много лет. Она жила его интересами, переживала за его проблемы, выхаживала его

после болезни, она безропотно переносила периоды безденежья, она... Любила его? Наверняка! Любила и, видимо, неосознанно боялась потерять, на столько, что решила посадить на уж совсем короткий поводок.

Любил ли ее Саша? Вряд ли он был способен на такие чувства. Кажется, он любил только одного человека в мире – себя. Однако, он был очень привязан к жене и, в глазах знакомых, олицетворял собой прилежного семьянина. Но вот только он совсем не считал, что они обязаны быть совершенно неразлучны. Он и сам бы хотел иногда отдохнуть от общества Светланы и ее легко отпустил бы, если бы только у нее могло возникнуть такое желание.

Ну, она, допустим, не хотела проводить время с подругами, да их и не было у нее, практически. Муж заменял ей все, но разве он был в этом виноват?

Сашу короткий поводок совершенно не устраивал! Он протестовал против ограничения, по его мнению, совершенно естественных, и неотъемлемых свобод.

Светлана же считала, что это все потому, что он-де ее не любит, а вот если б любил, то тоже хотел бы всегда и везде быть с ней.

– Причем здесь «Люблю», «Не люблю»! – бесился Саша – Света! Это нормально иногда побыть вдвоем с другом! Это просто нормально на новогодний корпоратив прийти одному! Причем здесь любовь?!

Кончались эти выяснения отношений всегда одинаково –

Светланиными слезами и Сашиной душевной досадой, тоской зверя, запертого в клетку, но и жалостью к жене, а жалость, заметим в скобках, совсем не то чувство, на котором должна базироваться семья.

Чем дальше, тем острее становились ссоры, в общем, пахло в доме керосином, но открытой войны не было, так... приграничные конфликты.

Ну, вот. Стало быть, и на Белое озеро они ехали вместе. Светлана села на переднее сидение, рядом с Сашей, а Семен, разместившись сзади, занялся пивом.

Сразу за МКАДом они встали в глухую пробку. Была пятница, народ ломился на дачи. Через час, когда они продвинулись километра на три – четыре от Москвы, с Белого озера позвонил Дмитрий. Он сообщил, что обещанной кормежки не будет. Слишком поздно заказали, хозяева коттеджа ничего не купили, а потому, готовить придется самим и надо бы прикупить, дорогой, продуктов.

Еще минут через сорок, они, наконец, проползли насквозь почти всю бескрайнюю Балашиху, и Саша остановился на парковке около супермаркета «Перекресток». Было уже темно и очень даже прохладно. Свежий ветерок немного взбодрил их, совсем сомлевших в машине.

– Давайте немного постоим, покурим на воздухе! – предложила Светлана.

Они постояли. Огоньки сигарет ярко вспыхивали в тем-

ноте. Чуть в стороне светились чужеродные в подмосковье витрины и вывески недавно построенного торгового центра, а в десятке метров, на шоссе глухо ворчала сотнями моторов бесконечная автомобильная пробка.

– Какой-то кошмар с этими пробками! – вслух подумал Саша – И ведь, чем дальше – тем хуже! Прямо на глазах, становится хуже! Если так пойдет дальше, надо будет машину продать, за ненужностью, и купить мотоцикл, а лучше вертолет.

– Тебе только мотоцикла не хватало! – сказала на всякий случай Светлана.

– Да, шучу я! Его и держать негде, и зимой не покатаешься.

– Ладно, пойдемте в магазин! – Семен выбросил окурок и направился в сторону входа, светившегося в темноте, неземным светом.

В «Перекрестке» почти никого не было. Они накидали в тележку продуктов, подошли к кассе.

– Ты не возражаешь? Я возьму? – спросил Семен, демонстрируя Саше маленькую, 0,25 литра, бутылочку водки.

– Да, что ты спрашиваешь, Семен? Мне-то какое дело?

– Ну, ты за рулем, а я...

– Так что ж? Если я за рулем, так никто и выпить не мог? – пожал плечами Саша. Он действительно не понимал, что будет плохого, если Семен выпьет немного.

Еще через час, где-то уже за Ногинском, они вырвались

из пробки. Стало свободнее, временами удавалось разогнаться и до ста километров в час. Около светофоров, правда, еще образовывались небольшие затыки, но они становились все меньше, все просторнее делалось шоссе и все легче и веселее становилось на душе у издербавшегося за день на работе и потом в пробке Саши.

Где-то около десяти часов вечера, они свернули с Нижегородской трассы на вторую бетонку, в сторону Орехово-Зуево. Здесь было совсем пусто и Саша наконец-то «наступил». Не слишком расторопный автомат задумался на секунду, будто спрашивая: Я тебя правильно понял? Ты точно этого хочешь? А затем, водителя и его пассажиров впечатало в спинки сидений. Фордик распорол воздух, и понесся вперед, стремительно пожирая километр за километром.

Строевой сосновый лес сплошными, темными стенами высился по обоим сторонам шоссе, и только на крутых поворотах дальний свет выхватывал из мрака и позволял на мгновение различить отдельные деревья. Не прошло и пяти и минут, как Саша уже сбросил скорость на въезде в Орехово-Зуево.

Пока они двигались по городу, Семен успел прикончить свою чекушку и поинтересовался, а нет ли по пути каких-нибудь еще ночных магазинов? Саша, который хорошо знал эти места, ибо в этих краях находилась его со Светланой дача, ответил, что будет магазин в деревне «Кабаново». Семен попросил остановить там. Саша согласно кивнул.

На выезде из города их остановили ГАИшники. Дородный, лет 50 с лишним, капитан внимательно изучил документы, и не найдя к чему придраться, трогательно поинтересовался не употреблял ли водитель алкоголь и не слишком ли быстро он ехал? Разумеется, Саша ответил, что не употреблял, и вообще стоял, практически.

Капитан, несколько огорченно, покивал головой, пристально поглядел на Сашу, что бы тот все-таки почувствовал себя виноватым, вернул ему бумаги, и сказал на прощанье: Будьте повнимательнее ночью!

Что было в этом пожелании? Просто дежурная фраза, или искреннее напутствие? Уже не ГАИшника, основной работой которого является собирание мзды, а просто опытного, каждый день видящего последствия страшных аварий человека? Человека, конечно, понимающего и по машине, и по глазам водителя, что тот, безусловно, превышал скорость, и сейчас, только сев за руль станет ее превышать снова.

Ровно через минуту, они снова летели по темному, извилистому шоссе со скоростью 140 км/ч.

Как и было обещано Семену, в деревне Кабаново они остановились около ночного магазина. Он вылез, скрылся в освещенных недрах заведения, и вскоре появился вновь, имея в руке поллитру.

– Ого! – сказал Саша Светлане – Семен-то вошел во вкус!

Потянулся за окнами городок Ликино-Дулево, длинный

и почти совсем вымерший. Похоже, тут как в деревне, спать ложились с наступлением темноты, а может, все сидели по домам, уставившись в телевизоры?

– Светлан, будешь водочки? Холодненькой! – тепло поинтересовался Семен с заднего сиденья. Чувствовалось, что ему уже хорошо и скучновато напиваться в одиночку.

– А есть чем запивать? – спросила Светлана.

– Есть Кока-Кола. А зачем запивать? Вот, огурчики есть...

– Не, я не могу водку не запивать!

– Ну, на, держи.

Семен стал передавать Светлане стаканчики – огурчики. Саше стало немного неприятно. Он попытался проанализировать, почему собственно ему неприятно, понял, что природа этого чувства находится где-то между завистью и ревностью, т.е. между чувствами дурного толка. Он попытался отогнать все это от себя, в итоге, настроение у него подпортилось.

Светлана с Семеном выпили по рюмке, потом по второй, после третьей они уже, практически, сравнялись в состояниях и между ними завязался какой-то важный спор, содержание которого Саша улавливал с трудом, потому, что дорога пошла двухполосная, и ехать стало труднее. Встречные фары слепили его, он отводил глаза, ориентировался по обочине, но скорость старался не снижать. Он улавливал только отрывки спора своих пассажиров. Откуда-то он уже знал, что их полемика ничем хорошим не кончится.

Семен был таким неглупым, хитроватым мужичком. Взгляды у него были простые и однозначные, мир и люди не представляли для него никакой тайны. Он родился в деревне где-то на Волге, и изменить его крестьянский склад не смогло ни что. Ни обучение в столичном ВУЗе. Ни долгие годы, прожитые в Москве, с ее обитателями. Ни женитьба на Москвичке, ни поездки за границу, ни взлеты, ни падения! Крепок, основателен был в Семене исконный и кондовый корень!

Светлана, во-первых, таких недолюбливала, во-вторых, в спорах она всегда упорно отстаивала свою точку зрения, горячилась, за словом в карман не лезла. Было Саше, также, совершенно ясно, что и Семен скорее умрет, чем сдастся в споре с женщиной, так что, учитывая водочку, можно было ожидать любого развития ситуации.

В паузе между обгонами и разъездами Саша прислушался к дискуссии.

– ... вот ты сейчас сидишь – тяжело и веско говорил Семен – а мужик машину ведет. А это, между прочим, труд! А ночью – тяжелый труд!

Навстречу подряд шли несколько машин. Саша переключился на ближний свет, прищурил глаза, взял правее. Он видел только рваный край асфальта и встречные фары. Направляя машину по самой кромке, он весь невольно напрягся, кисти рук крепче стиснули руль.

– Я понимаю, Сань, она твоя жена, но скажи честно, как

ты думаешь?

Не снижая скорости, Саша по встречной, через сплошную обогнал какой-то еле ползущий автобус, вернулся на свою полосу, машинально проверил температуру двигателя и количество бензина в баке. Оставалось меньше половины.

– ... что неприлично говорить о присутствующих в третьем лице?! – Светлана уже повысила голос – Саш, ты тоже считаешь, что это нормально?!

– Что? – переспросил Саша. Впереди, еще далеко, маячил попутный грузовик. Скорость его пока невозможно было оценить.

– У нас дома не принято было говорить о присутствующих в третьем лице!

– Да? – спросил Саша, просто что бы что-то ответить. Он уже видел, что грузовик едет довольно быстро, и все равно, плестись за ним будет потерей темпа. Вроде, встреча свободна. Он продал газ до пола, и расстояние между ними и грузовиком стало стремительно таять. Саша принял левее и поравнялся с грузовиком. Это был автовоз. Непомерно длинный и пустой. Они продвинулись до середины прицепа, когда впереди из-за поворота появился свет фар. Саша быстро глянул на спидометр. Сто восемьдесят. Ну, не оттормаживаться же?! Успею!

Он понял, что не успевает, когда встречная машина выскочила ему в лоб, как черт из табакерки. Ее скорость тоже была огромна, тормозить не имело никакого смысла. Позд-

но!

Он еще надавил на педаль газа, хотя та и так уже упиралась в кнопку кик-дауна, щурясь от встречного света, прижался почти вплотную к грузовику, улыбка Анубиса мелькнула перед глазами (или это только почудилось?), а в следующий миг, он дернул руль вправо, едва не задев кормой бампер грузовика, и чудом разошелся со встречной машиной, которая, подняв клубы пыли, съехала правыми колесами на обочину.

Саша стеклянными глазами смотрел перед собой, руки были сведены напряжением, сердце колотилось, как молот, а из подмышек противно стекали по телу струйки пота. Форд продолжал лететь сквозь ночь, как снаряд.

– Ты, вообще, слушаешь меня или нет?! – Светлана раздраженно толкнула его локтем.

Саша не сразу понял, что это значит, а через мгновение он сообразил, что они ничего не знали! Они ничего не видели! Они, несчастные, даже не заметили того, что чуть было не произошло с ними! Саша отчетливо понял, что он сейчас сделает. Он остановит машину и дав волю чувствам рявкнет: «А ну, быстро выметайтесь отсюда, оба!»

– Ты слушаешь, меня?! – уже начиная злиться, повторила Светлана.

– Да! – резко ответил он – Да! Слушаю! Что?!

– Почему, ты позволяешь себе разговаривать в таком тоне?! – взвилась она.

Действительно, почему? – подумал вдруг Саша – Разве кто-то сделал мне что-то плохое? Наоборот. Я чуть всех не убил, потому, что мне вдруг приспичило, обгонять этот чертов автовоз!

Надо было бы извиниться, но Саше не хотелось делать этого в присутствии Семена, поэтому он просто, сделал музыку по громче, и продолжал вести машину молча, глядя строго перед собой. Светлана обиделась или разозлилась. Она отвернулась к окошку и рассматривала там темноту. Семен завозился, закричал сзади, но видно тоже не нашел чего сказать. Через минуту он захрустел огурцом, закусывая очередную рюмочку.

Разрываемый воздух ревел за стеклами несущегося автомобиля. «Я тебе подарю, белый колпак...» доносился из динамиков голос Гарика Сукачева.

Белое озеро. Сентябрь 2006

Найти Белое озеро оказалось не так-то просто. В последний час пути, когда время уже перевалило далеко за полночь, дорога стала совершенно пустой и казалась какой-то заброшенной. Ни фонарей, ни деревенских огоньков, ни машин. Дремучий лес вплотную подступал к шоссе с обеих сторон. Асфальт, местами, был совершенно разбит, и Саша тихо матерился, когда, не успев сманеврировать, влетал колесом в очередную, внезапно возникавшую перед машиной яму.

Тихо было в салоне. Семен давно спал, негромко посапывая на заднем диване, Светлана, по-прежнему, ни как себя не проявляла, то ли молчала просто, выдерживая характер, то ли тоже спала. Впрочем, второе было маловероятно. Она не умела спать, когда Саша вел машину, ей необходимо было наблюдать за процессом.

Нет, она давно не пыталась этим процессом руководить. Были такие времена, когда Саша, через пол Москвы, с утра вез сына на учебу, потом, опять через пол города, ехал на работу, а вечером забирал его с учебы и вез домой. Это происходило каждый день, кроме выходных и каникул, на протяжении нескольких лет. Эти каждодневные путешествия были не видны Светлане, ведь она не принимала в них участия, и ей, казалось тогда, что Саша, все тот же неопытный, желторотый, вчера получивший права чайник, а это уже давно

было не так.

Однажды, они ехали куда-то со Светланой вместе, и ей не понравился, какой-то совершенно заурядный маневр, на грани правил, который Саша, как и любой московский водитель, выполнял по много раз на дню, автоматически, не задумываясь.

Когда Саша вдруг получил развернутый и пространный выговор от жены, он сначала даже не понял, о чем это она. А когда понял, сказал разозлившись: Послушай, я уже несколько лет, каждый день езжу по этому гребаному городу, и тебя рядом со мной нет! И, не смотря, на отсутствие твоих ценных указаний, я еще как-то ни разу никого не сбил и в серьезные аварии не попадал. Ты не заметила? Свет, я каждый день несколько часов за рулем, а ты учишь меня ездить?!

Выдав эту тираду, он замолчал, пытаясь задушить клоко-тавшую, рвавшуюся наружу злость и не добавлять к своей речи никаких, совершенно не нужных гадостей.

Светлана, тогда, ничего не ответила ему, но урок извлекла. Больше вождению она его не учила, однако, наблюдать за ним ей было необходимо. Ну, разве, вот на пару минут отвлеклась она под действием водки и эмоций.

Обычно же, расслабиться в дороге она, почему-то, по-прежнему не могла, видимо, все-таки не доверяла ему. Не сознательно, конечно, а интуитивно. Впрочем, она не доверяла ему не только в этом, во всем.

Возможно, виной всему было раннее знакомство и ран-

ний брак. Мы не замечаем, как с течением времени, меняются те, кто рядом с нами. Вероятно, Александр Дмитриевич, сорокалетний мужчина, исполнительный директор, так и оставался для своей подруги Санькой. Тем девятнадцатилетним шалопаем, за которого она когда-то вышла замуж. Заметим, справедливости ради, что где-то, глубоко внутри, он действительно им оставался.

Вот парадокс! И где же, скажите на милость, истина? Действительно, он был все тем же. И чувствовал себя тем же. Но, он научился вещам, которых в девятнадцать лет точно не умел! Саша сорокалетний умел доводить начатое до конца, умел добиваться своего, действуя неторопливо, последовательно, шаг за шагом. Он уже знал, набив достаточно шишек, что скакать через ступеньку, пытаться срезать дорогу — не его стезя. Может, кому-то это удастся, но не ему. И нечего дергаться, и нечего спешить! Наметил цель, и ни какую-нибудь далекую, которая мерцает, пропадает в дымке, обращается миражом, а близкую, реальную, отчетливую, путь к которой ясен и зрим? Вот и иди к ней! Дойдешь, наметишь следующую.

Он научился принуждать себя делать то, что делать очень не хочется. Не хочется, потому, что лень, или потому, что очень страшно, или потому, что очень неудобно.

Нет, он не перестал стесняться и бояться, но он научился перешагивать через себя. Более того, он полагал, что только в борьбе с собой, в преодолении своих слабостей и зарабаты-

вається та енергія, которая необходима для того, чтобы крушить внешние препятствия, и в конечном итоге, добиваться успеха на поприще именуемом жизнью.

Все это было глубоко чуждо Сашеньке в 18—19 лет. Видя препятствие, он старался его обойти, как-нибудь, а если это было невозможно, он легко готов был и вовсе поменять маршрут только бы не бороться. Все это было, но было уже очень давно! Однако, видимо, именно этот образ мужа, навсегда сфотографировался, отпечатался металлом в Светланином подсознании. Именно в подсознании, потому, что сознательно-то, она понимала, что он давно не мальчик, а вот спать, когда он вел машину, не могла.

Не мальчик?! А кто так безрассудно и безответственно обгонял автовоз?!

Так ведь, да! Повторюсь, в чем-то главном, он остался прежним. И иногда, это прежнее прорывалось наружу, сквозь блокады и защиты! Где-то в глубине, он совершенно не изменился, и знала это, и чувствовала мудрым, вековым женским инстинктом его жена!

Вот и сейчас, если бы Саша мог отвлечься от дороги, и понаблюдать за Светланой, он увидел бы, что она, разумеется, не спит, а внимательно, как и он, следит за причудами и вывертами ночного шоссе, время от времени бросая пристальные взгляды на него, не спит ли?

В темноте, он промахнулся мимо нужного ответвления, понял это, увидев знак, отмечающий въезд в поселок Спас-

клепки, развернулся. Возвратился на четыре километра, свернул там, где было надо. Еще минут двадцать петлял по узенькой лесной дороге, въехав, наконец в деревню, которая была финальным пунктом маршрута, звонил Дмитрию, разыскивал нужный съезд, пробирался самым малым ходом по проселку, на своем сугубо «асфальтовом» автомобиле, и облегченно выдохнул, остановившись на освещенной площадке перед островерхим, двухэтажным коттеджем.

Саша вылез из за руля в холодок глубокой сентябрьской ночи. Было очень тихо, при дыхании изо рта выходил пар. Он потянулся, размял суставы, поежившись, запахнул джинсовку, с наслаждением закурил, вдохнул дым вместе с прозрачным, осенним воздухом.

Воздух этот, был невероятно свежим, прямо живительным, съедобным, концентрированным! Его будто необходимо было разбавлять дымом, что бы организм мог адаптироваться, казалось, иначе, от переизбытка свежести закружится голова!

Песчаный берег, от коттеджа, отлого спускался вниз. Там, внизу, в темноте, угадывалось озеро, а с боков, близко к воде подходил сосновый лес. Далеко, на другой стороне, мерцали огоньки деревни.

Оглядевшись, несколько раз глубоко и вкусно затянувшись сигаретой, Саша ощутил приобщение к покою, к природе. Пришло то состояние, которое он в шутку называл, а про себя, всерьез считал «правильным».

Стоявшая рядом Светлана, похоже, испытывала аналогичные чувства. Из задней дверцы, кряхтя, выползал Семен, по-видимому, несколько ошеломленный внезапным пробуждением, и еще не сообразивший где он, почему и зачем.

Дверь коттеджа открылась, и на крыльце, в желтом прямоугольнике электрического света, возник силуэт Дмитрия.

– Привет! – сказал он – Ну, вы ехали! На собаках, что ль? Мы уж ждать устали. Половина народу спит уже. Пробки?

– Конечно. Пятница же – ответил Саша.

– Ну, давайте, проходите. Только снимайте обувь, а то тут все в песке будет.

От этих двух осенних дней в памяти у Саши осталась холодная свинцовая вода, изобилие раков на дне, боль в не желавших продуваться ушах и слова Дмитрия: Поздравляю. Теперь вы дайверы.

Непонятки. Москва. Сентябрь 1984

Хамон проснулся в совершенных непонятках. С минуту, он лежал неподвижно, пытаясь проанализировать причины, которые могли привести к их, непоняток, возникновению. Очень скоро, у него созрел вывод, что причины, существуют, что их несколько и что все они совершенно ужасны!

Первой обнаруженной причиной была головная боль. Боль не была особо сильной, но зато, она была вязкой, горячей, обволакивающей, как расплавленная вулканическая магма. Да! Как вулканическая магма! Перед его закрытыми глазами все было красным, с черными вкраплениями, прожилочками, пульсирующим в такт толчкам сердца, будто эта самая магма текла прямо через лицо. Она текла мучительно медленно, и создавала совершенно невыносимый дискомфорт.

По-видимому, вторая причина, была прямым следствием первой. Во рту, да и во всем организме, было страшно сухо. Казалось, красный жар иссушил Хамона совершенно, глотни воды и зашипит! Но не это, не отвратительное физическое самочувствие было главным в его непонятках. Собственно, самочувствие нельзя было и непоняткой назвать, с этим все было как – раз понятно, и погано. Но существовала еще некая третья причина, которая была важнее и хуже двух первых.

Пробежавшись по цепочке вчерашних событий, он моментально обнаружил, что в ней сохранились далеко не все звенья. В памяти его отчетливо зияли черные дыры. Безусловно, именно эти дыры были главной причиной непонятки, мало того, их наличие вызвало страх. Страх этот стал разрастаться, подобно лесному пожару, и через мгновение уже граничил с паникой.

Цепочка вчерашних воспоминаний начисто обрывалась, в сумерках, в каком-то скверике, кажется, недалеко от станции метро «Кировская», где они с Поручиком и Промокашкой пили из горла портвейн. До этого скверика он помнил все более – менее отчетливо, а вот дальше... дальше начинались нескладушки и провалы, и что-то было такое, как чувствовал Хамон, о чем, может лучше и не знать, вообще, а лучше, просто взять и умереть, прямо сейчас, специально, чтобы не узнать!

Вдруг, он сообразил, что даже не знает где находится! От этого открытия ему стало жутко на столько, что он рывком сел, спустил ноги с кровати и открыл глаза. Шар горячей лавы мотнулся в голове от резкого движения, как било колокола. Ноющая боль усилилась, зато, он обнаружил, что сидит дома, на диване. Сидит в одних трусах, а остальная одежда висит рядом, на спинке стула. Это несколько утешило его, но отнюдь не до конца, так-как он был совершенно не в курсе когда и каким образом он оказался здесь, это во-первых, а во-вторых, смутное и мучительное ощущение, что в чер-

ных дырах памяти скрывается нечто очень и очень неприятное не оставляло его.

Хамон подумал, что все-таки, это хорошо, что он сидит дома, на своем раздвижном диванчике с пролежанным поролоновым матрасом, что его босые ноги ощущают обшарпанный паркетный пол, а на стенах привычные грязно-желтые обои с каким-то невразумительным бледно-зеленым орнаментом. Безусловно, очень удачно и хорошо, что он оказался именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте.

Ладно – подумал он – надо подниматься! И взялся за шмотки. Джинсы на коленях оказались в засохшей грязи, которую, впрочем, легко удалось отряхнуть. Следы той же грязи были и на ладонях. Смутившись, Хамон внутренне сжался от отвращения к самому себе. Он представил себе, как мог выглядеть давеча. Выходило, что бесподобно!

На рубашке он недосчитался четырех верхних пуговиц. Это уже было положительно интересно! На костяшках правой руки обнаружили ссадины.

Движимый любопытством, он направился в ванную, к зеркалу. Морда была, естественно, опухшая, но синяков не наблюдалось.

Хамон открыл воду, вытряхнул из пластикового стакана зубные щетки, сполоснул его под струей и жадно выпил три стакана воды подряд. Лезть под душ было лень, поэтому он просто почистил зубы, вымыл руки и рожу, затем опорожнил еще стакан воды, и почувствовав себя несколько лучше,

вернулся в комнату.

Он открыл шкаф, тупо постоял, глядя в его недра, пытаюсь сообразить, что ему там было надо, вспомнил, что надо какую-нибудь рубашку, потому, что на той ведь нет пуговиц, покопался в шкафу и ничего не нашел. Подумал, что вот же, надо же все же стирать иногда. Взял со стула рубашку с недостающими пуговицами и встал с ней в руках, думая, что надо бы пришить их на место и, что это не долго, что где-то должна быть в доме коробочка со всякими пуговицами, иголками, нитками, бабушкина еще... такая металлическая, из-под конфет каких-то, что ли? Да, какая разница из-под чего?!

Он открыл ящик с грязным бельем. Бросил туда рубашку без пуговиц, извлек оттуда же джемпер, который был еще не особенно заношен и отправлен в «грязное» просто из барства. Вернулся в комнату, встряхнул джемпер, осмотрел, надел. Осмотрел сколько мог себя... А чего? Нормально...

Одевшись, таким образом, Хамон отправился на кухню. Есть решительно не хотелось, тошнило, даже при одной мысли о еде.

Чаю что ли попить? Или не надо? Может вырвать. Ну, и что? Ну, и ладно, может оно и лучше.

Он поднял с плиты зеленый эмалированный чайник, по весу определил, что он пуст, открыл кран, налил воды, немного, что б быстрее закипела, чиркнул спичкой, зажег плиту.

Он рассеяно повертел в руках спичечный коробок, прочитал надпись «Балабаново», отметил, что «Балабановские» спички, не в пример, лучше всяких других. Крепенькие, с большими зелеными головками, одна к одной! И не ломаются, и зажигаются исправно, и ветром их задувает меньше, чем все прочие, толстенные потому что.

Он так умилился спичками, что едва не прослезился. Потер глаза, и подумал, что надо бы причесаться, пока чайник закипает. Сделав два шага, Хамон снова оказался в ванной. Пару минут он занимался тем, что, преодолевая боль, продирает щеткой дорогу в спутанной, длинной, до плеч шевелюре. Повыдирав, без жалости, изрядное количество волос, он, наконец, пробил щетке путь. Теперь, несколько дней не мытые волосы, лежали, казалось, красивыми волнами.

Хамон, почти по-женски, мотнул головой, откидывая прядь со лба. Движение тут же отдалось болью в голове. Он повернулся к зеркалу спиной и вышел из ванной.

Из чайника валил пар, крышка на нем подскакивала с противным звоном. Он выключил газ и взялся за заварочный чайник, старенький, с трещиной, но фарфоровый и китайский, с нежной розочкой на белом боку. Заварки там, само собой разумеется, не оказалось. Подняв крышечку, Хамон увидел только слой сырых, слежавшихся чайных листьев, занимавших половину внутреннего пространства. Это ни сколько его не огорчило. Он налил в заварочный чайник кипятка, закрыл крышечку, снял с сушилки около ракови-

ны чашку, и подождав с минуту наполнил ее получившейся, бледно-коричневой, горячей жидкостью.

Стоя посреди маленькой кухни, он выхлебал, обжигаясь, мелкими глотками пол чашки «чаю».

Он пил и смотрел в окно. За окном, мокли под морозящим, серым, бесконечным дождем тополя с грустными желтыми листьями. Над тополями и черной, блестящей крышей соседнего дома, низко висело безотрадное, непроницаемое, равнодушное небо.

Хамону показалось, что так всегда было, и всегда будет, но уже через мгновение он понял, что вовсе нет! Ведь, еще вчера было сухо, тепло и солнечно. От того и было такое праздничное, веселое настроение, от того он, наверное, так и надрался.

Поставив чашку на стол, он пошел в коридор, пошарил по карманам висевшей на вешалке куртки, нашел мятую пачку сигарет «Пегас». Вернулся на кухню. Бережно расправил пачку, сосчитал сигареты, их оставалось четыре. Кстати! Он срочно обыскал карманы джинсов, нашел рубль бумажкой и шестьдесят пять копеек мелочью. Надо же! Удивительно, как много осталось!

Он спрятал деньги обратно в задний карман, вытащил одну сигарету, чиркнул спичкой, закурил. Курить не хотелось, дым казался невкусным, усиливал тошноту. Все же он затянулся несколько раз, погасил сигарету, заботливо убрал окурок обратно в пачку.

Чего я стою, как дурак? – подумал он. Выдвинул стул, сел, оперся локтями о стол, в несколько глотков допил оставшийся чай. Что же было вчера, а? Надо ж так! О господи!

Он неподвижно посидел еще с минуту, однообразно думая, что «Надо ж было так», не поднимаясь из-за стола, протянул руку, взял заварочный чайник, и вылил в чашку все, что вылилось. Оказалось, даже больше, чем можно было надеяться. Так же, не поднимаясь, он дотянулся до громкоговорителя и повернул ручку. «Выступая, в кремле, перед членами политбюро ЦК КПСС, Константин Устинович Черненко особо отметил, что, претворяя в жизнь, исторические решения 26-го съезда КПСС, советские люди...» Хамон убрал звук.

Да, ну и дела! Сколько времени, хоть? Он поднял телефонную трубку, трижды крутанув диск, набрал 100. Голос механической женщины бесстрастно сообщил, что точное время 9 часов 44 минуты. С минуту он посидел в раздумье, потом набрал телефон Поручика, услышал голос его матери и немедленно положил трубку. Еще не хватало сейчас отвечать на всякие чекистские вопросы! Ладно, не судьба.

Поехать, что ли в институт? Еще можно успеть ко второй паре. А смысл? Сегодня суббота, а через неделю все равно всем ехать на картошку, на месяц. А через месяц, кто там вспомнит, сколько пар пропустил, сколько посетил?

Ладно, все-таки поеду – решил он. Все лучше, чем здесь одному куковать.

ХАмон – эта кличка прилипла к нему давным-давно. Кажется, еще в первом классе. Точно в первом! Только сначала его звали ХамОн.

В 1973 году, отец сводил его на выставку, где демонстрировали сокровища гробницы Тутанхамона. Почему-то, выставка эта произвела на первоклассника колоссальное впечатление, а тем, что ему понравилось, он считал необходимым поделиться решительно со всем белым светом. Рассказывая, про удивительный саркофаг, в котором хранилась страшная мумия, про искусство бальзамирования и т.д., он столько раз употребил имя покойного фараона, что друзья стали звать его Тутанхамоном.

Само собой, кличка эта была длинной и неудобной, поэтому Тутан скоро отвалился. Остался один ХамОн. Затем, уже где-то в старших классах, ударение переехало со второго слога на первый и стали его называть, несколько на английский, как всем казалось, манер, ХАмон. Вот так.

ХАмон вышел из подъезда, и деревянная коричневая дверь громко бухнула у него за спиной. Внутренне съежившись, ссутулив плечи он шагнул под мелкий морозящий дождь, заспешил к метро. Благо идти было недалеко, от силы пять минут.

Он шел по мокрому тротуару, вдоль широкой улицы. С противоположной ее стороны, с плаката, взирал на Хамона огромный, седой и благообразный Генеральный Секре-

тарь, Константин Устинович Черненко. Под портретом, белым по красному, было выведено, взятое в кавычки мудрое изречение: «Экономика должна быть экономной!». Рядом ветер трепал три мокрых и тяжелых красных флага.

Хамон скользнул невидящим взглядом по этой величественной «наглядной агитации», он действительно не замечал ее. Она была просто обыкновенной, привычной частью окружающей действительности.

Спустившись в метро, он предъявил бдительной контролерше студенческий билет, закрыв пальцем аббревиатуру МИИТ и оставив для обозрения букровки МПС (Министерство Путей Сообщения). Пока бабка соображала, что бы это значило, и как ей в этой связи поступать, он уже исчез из поля досягаемости.

Нужно было проехать всего один перегон, но и этого оказалось достаточно. Подземный воздух, казался спертым, его будто бы не хватало, поезд раскачивался. Хамона начало мутить. На станции, он еле успел выскочить из вагона, бросился к ближайшей урне, и его несколько раз мучительно вырвало.

Он вытер рожу рукавом, оглянулся опасливо по сторонам. Милиционеров рядом, по счастью, не оказалось. Во рту был горький, противный вкус желчи, зато тошнота отступила, дышать стало легче.

На улице ему сделалось совсем хорошо, даже день показался не таким уж безнадежно серым. А когда нужный автобус, который, вообще-то, ходил не слишком часто, подкатил,

как по заказу, Хамон даже улыбнулся, и подумал, что в принципе, жизнь не настолько плоха, как казалось каких-то пол часа назад!

Автобус был почти пустой. Все добропорядочные советские граждане, которые всю неделю трудились на благо Родины, сейчас откисали перед телевизорами, или маялись похмельем, или стояли в очередях в магазинах, тщась купить чего-нибудь.

Хамон плюхнулся на коричневый, холодный дерматиновый сиденья, и стал смотреть в окошко. Мимо грустно и торжественно плыл осенний парк. Почти вся листва уже была желтой и только, кое-где, краснели клены. Капли дождя сползали по стеклам автобуса. Осень.

Вроде, только вчера было лето! Вроде, правда, буквально вчера было еще совершенно летнее ощущение жизни! Совершенно летнее? «Совершеннолетнее ощущение», надо запомнить!

Нет, но действительно, как же так? Не могло же все измениться за одну ночь? Как это, до сегодняшнего дня осень умудрялась оставаться незаметной, а теперь вдруг появилась, словно занавес подняли?

Мелькнула уходящая в глубину парка, мокрая, безлюдная аллея, и немедленно зазвучала в голове у Хамона такая осенняя песенка группы «Динамик»:

Кружит листва, как стая желтых парусов.

Осенний ветер, словно страх, приносит дрожь.

Но ты не прячь свое усталое лицо.

Слезинок больше нет, остался только дождь.

Раскрой же зонт, надвинь свой серый капюшон!

Ты подойди поближе, я слегка продрог.

Какой смешной сегодня день, и в нем я сам себе смешон,

Но это лучше, чем быть жалким, как листок...

Поручик. Москва. Сентябрь 1984

Они встретились с Поручиком вечером того же дня.

Еще по дороге из института Хамон понял, что возвращается в нормальное состояние, ибо вдруг ощутил лютый голод. Он попытался вспомнить, когда последний раз что-то ел. По-видимому, последней его пищей стал бутерброд с сыром, съеденный под водочку, в рюмочной, в самом начале вчерашнего праздника.

Выходило, что не ел он уже сутки. Желудок Хамона был неоднократно промыт и стерильно чист, чего никак нельзя было сказать о его душе, на которой по-прежнему скребли серые кошки.

Войдя в квартиру, он снял коричневую демисезонную курточку и повесил на вешалку. Сев на ящик для грязного белья, выполнявший по совместительству функции банкетки, развязал и стащил с ног голубые замшевые кроссовки Adidas, подарок тетки, ко дню рождения. Нацепив тапочки, Хамон отправился на кухню.

Интересно! Как ни хотел он есть, даже речи не могло быть о том, чтобы, например, пройти дальше крохотной прихожей не снимая кроссовок. Это было бабушкино воспитание.

Отец, уже года два, как дома появлялся редко, у него обозначилась другая семья, и это было скорее хорошо. А вот бабушка...

Только в последние месяцы, когда ее не стало, Хамон понял, ЧТО он имел и потерял.

Да, она утомляла. Она обязательно будила его рано утром и отказывалась верить, что ему ко второй паре. Она постоянно нудила, что надо выключать свет, если выходишь из комнаты.

Если он поздно возвращался, она встречала его в дверях, держась за сердце, и говорила неизменное: «Неужели ты не понимаешь, что я беспокоюсь?!». Она могла открыть дверь, тому же Поручику, и объявить с порога: «Не надо ему мешать, он готовится к зачету!», и захлопнуть дверь перед носом у гостя. Она была несносна!

В тоже время, когда мрачный Хамон, выползал разбуженный из комнаты отца, в которой он повадился жить последнее время, на столе в кухне оказывался завтрак, а вечером ужин. В шкафу всегда водилась чистая, глаженная одежда. Белье на постели вовремя менялось на свежее. Если он болел, бабушка ухаживала за ним. Пол в квартире всегда был чистым. Окна заклеивались на зиму, а с наступлением весны открывались и мылись.

Все это происходило без участия Хамона, происходило само собой! Так было всегда, сколько он помнил. Это было так естественно!

Если к нему приходили друзья, она просто сидела у себя, что-нибудь читала и старалась им не мешать.

Она вечно приставала! То купи хлеб на обратном пути, то

вынеси мусор, то не занашивай рубашки.

Она свято верила в Коммунизм и дело Партии. Разубеждать ее было совершенно бесполезно. Все неопровержимые доводы Хамона, разбивались, как морские волны о гранит ее веры. Он приходил в самую настоящую ярость из-за ее способности смотреть на черное, а видеть белое.

Ему бы оставить политинформации для кого-нибудь еще, не трогать бы старую женщину, жившую книгами, верой в советскую власть, да еще любовью к нему, внуку. Нет! Ему обязательно надо было зачем-то достучаться до нее! Впрочем, его вдохновенные речи мало ее трогали. Обычно она снисходительно улыбалась, и отвечала ему аргументами из телевизора. Только когда он в пылу выдавал, что-то, с ее точки зрения, совсем уж крамольное, например, ставил коммунистов на одну доску с фашистами, она огорчалась и говорила с укором: «Ты комсомолец! Как ты можешь говорить такое?!».

Стыдно вспомнить, когда ее не стало, он не то что бы обрадовался ее смерти. Нет. Конечно, он огорчился, но не поняв до конца, что именно произошло, ощутил было, что что-то меняется в жизни, какую-то легкость, свободу.

Даже, когда на кладбище, гроб с ее телом закрыли крышкой, опустили в могилу и засыпали комьями сухой глины, он ничего не испытал особенного, кроме легкой грусти. Странное жило в нем ощущение, будто вернувшись домой, он снова найдет ее там, будто все происходящее не более чем кино!

Дурак! Теперь, через каких-то четыре месяца, он понимал, что тогда случилась беда, и случилась совсем не с ней, а с ним! И дело, разумеется, было не в завтраках и чистой одежде, а в том, что не стало одного (а может единственно-го?) человека, для которого, он, Хамон, был, наверное, самым главным и дорогим в жизни!

Еще был отец, и он не был для Хамона чужим, но странными стали их отношения после появления у того другой семьи. Хамон ни чуть его не осуждал, ему в целом были симпатичны и жена отца, и ее маленький сын, но не воспринимал он их, как близких! Он мог быть с ними вежлив, и только.

Женщина прекрасно чувствовала это и, одним словом, общей семьи не получалось. Понимая это, не разумом, а инстинктом, Хамон старался не мешать отцу, а отец, то ли тоже не хотел мешать сыну, то ли ему так было проще, в общем, виделись они редко, а разговаривали еще реже. Упрекнуть отца было не в чем. Хамон был уже взрослым, а материально отец не то, что помогал, а просто содержал его, студента дневного отделения.

Так, вот. Войдя, на кухню, голодный Хамон распахнул холодильник и не обнаружил там почти ничего. Нет, кое-что все же завалилось. Там было несколько яиц и небольшой кусок сливочного масла. В хлебнице нашлась горбушка белого, даже еще не совсем зачерствевшая.

Он поставил на плиту сковородку, разогрел, бросил в нее кусок, сразу зашипевшего масла, раскрошил туда же горбуш-

ку, и чуть обжарив кусочки хлеба, залил все это тремя яйцами. Уменьшил огонь, посолил. Через две минуты яичница была готова.

Хамон бросил на стол деревянную потрескавшуюся разделочную доску, водрузил на нее сковороду со злобно шипящей яичницей, и в этот момент в дверь позвонили.

За дверью оказался Поручик.

– Здорова, хулиган! – приветствовал он Хамона.

Поручик сиял, как солнышко, чувствовалось, даже на расстоянии, как бурлит в нем веселая энергия.

– Ты где шляешься? – продолжал он, входя в прихожую – Я тебя полдня ищу! И звонил, и заходил два раза, а тебя нет.

– В институте. – ответил Хамон – Где мне быть?

Он еще не понял, рад он явлению друга или не очень. С одной стороны, он всегда был готов видеть Поручика, и днем, и ночью, с другой, он знал, что сейчас тот расскажет ему о вчерашних, вывалившихся из памяти, событиях, и судя по приветствию, вряд ли этот рассказ будет приятным. Лучше бы ничего этого и не знать.

– В институте? – переспросил Поручик – Чего это тебя туда вдруг понесло?!

– А чего было делать? Я утром тебе позвонил, так трубку твоя маманька взяла. Я не стал с ней разговаривать.

– Это правильно, что не стал! Она мне таких люлей с утра навставляла! И тебе тоже перепало бы!

– Это понятно. – хмыкнул Хамон – Я потому и бросил

трубку скорей. Ну, давай, раздевайся, проходи. Я тут яичницу сделал из остатков всяких. Будешь?

– Угу! А я дружку похмелиться принес! – гадливо хихикая, сообщил Поручик, и извлек из-за пазухи, здоровенную, 0,8 литра, бутылку «вермута белого», ценой два рубля семьдесят копеек.

Хихикал Поручик потому, что отлично знал Хамона. Он знал, что тот страшно не любит, когда пьянка растягивается на два, а то и на три дня. Не любит, испытывает муки совести, но характера отказаться у него, практически никогда не хватает.

Увидев «бомбу», Хамон округлил глаза, и прижав правую руку к груди, воззвал: О, господи! Поручик! Ну, нафига?!

– Э... немножечко! По стаканчику! Вкусненько, сладенько! – принялся юродствовать Поручик, согнувшись, как вопросительный знак, и потрясая над головой, будто гранатой, перевернутой бутылку.

Он был в таких же, как у Хамона, затасканных джинсах «Rifle» и зеленом джемпере, домашней вязки. Длинные, светло-каштановые волосы делали его лицо узким, тонкие губы кривились в мерзкой, и притом совершенно искренней улыбке! Он пританцовывал, махал «Бомбой» и дурачась, и от самого настоящего радостного порыва! Он радовался, что приятель мучается совестью, и что они снова вместе, и что сейчас будет вермут с яичницей!

Странно, но Хамону, вдруг стало весело и хорошо. Это

произошло просто потому, что он вдруг решил, что ничего не будет страшного, если они с другом выпьют немного вермута, и даже наоборот, будет очень приятно посидеть и поболтать.

– Черт, тебя возьми, алкоголика! – сказал он – Пошли на кухню, а то яичница уже остыла, наверное.

Через минуту, Хамон откладывал на тарелку, для друга, половину драгоценной яичницы. Сам он намеревался есть со сковороды, чтобы не пачкать понапрасну посуду. Поручик же, тем временем, ловко орудуя ножом, отрезал пластиковый поясок, и выковыривал пробку из бутылки, сопровождая этот процесс заклинаниями типа: «Вкусненько! Крепенько! Для здоровьица!»

Через несколько минут яичницы уже не было, а сковородка грустно отмокала в раковине. Друзья сидели напротив, за маленьким столом, на котором была «бомба» уже полупустая, жестяная банка из-под килек, выполнявшая функцию пепельницы, и две чашки. Нормальных стаканов, а тем более, бокалов в доме у Хамона не водилось.

В комнате крутил бабины магнитофон «Маяк». Громкость была выкручена так, чтобы и на кухне было хорошо слышно. На радость соседям, нетленный Ян Гиллан надрывался, вытягивал непростой вокал композиции «Child in time».

– Ну, а потом мы пошли к метро —перекрикивая музыку, рассказывал Поручик – Там тротуар узкий, так ты всех

встречных поперечных расталкивал, сам чуть не падал, еле на ногах стоял.

Поручик корчил пьяную рожу, и растопырив руки, наглядно демонстрировал, как именно, Хамон перемещался по тротуару.

– А Промокашка, как? – интересовался Хамон.

– Да такой же! Но его я под руку хоть вел, и тебя хотел взять, так ты ж давай брыкаться – вырываться! Самостоятельный понимаешь! Тебя там и обругали раз десять люди, а тебе все по барабану!

Поручик рассказывал все веселее и красочней, входя во вкус, по мере того, как Хамон, для которого все рассказываемое являлось совершенной новостью, опускал глаза и краснел.

– В метро входить стали, я тебя все-таки поймал за локоть, думал, к автоматам подойдем, а там и дальше как-нибудь. Так ты, как нарочно, перед самыми автоматами, опять вырвался и давай шланговаться! Понятное дело, тут же подбегает дядя милиционер, и начинает не пускать. Он не пускает, а ты все пытаешься его обойти, то слева, то справа. Я тебе говорю: «Пошли, пошли!», он, мент, говорит: «Нельзя, не положено!», а ты все равно, как бык прешь в метро, хоть тресни! Наконец, менту это надоело. Он тебя за плечо схватил и говорит, как Дядя Степа хулигану: «В отделение хотите?!», а ты рубаху на себе рванул, будто на расстреле, и говоришь, ему в рифму: «Деньги в кассу заплатите!». Я

думал, все! Шандец. Сейчас заметут. Но милиционер, то ли добрый попался, то ли еще «Дядю Степу» не забыл, только он, вместо того что б окрыситься, засмеялся, развернул тебя на сто восемьдесят градусов, и ускорение придал. «Топай, давай отсюда!» – говорит.

– А я чего? – спрашивал красный от стыда Хамон.

– Ничего. Я тебя поймал скорей, и потащил на улицу от греха! А Промокашка еще возьми и звезданись на лестнице! Ваще блин! Упарился я с вами, алкоголиками!

По каким-то непостижимым физиологическим причинам, Поручик был чрезвычайно устойчив к алкоголю. Он обожал пьянствовать, всегда всех подбивал на это дело (Заметим, ради справедливости, что сильно уговаривать обычно никого не приходилось), пил больше всех, и умудрялся оставаться самым трезвым.

Они выпили еще по чашке вермута. Закусывать уже было нечем и Хамона всего передернуло, когда он сделал последний глоток.

– Тфу! Отрава! – выругался он.

Поручик с улыбочкой опустил свою чашку на стол. На тощих его щеках проступил нездоровый, похожий на аллергический, румянец. Он вытащил из пачки сигаретку, с видимым удовольствием закурил, машинально убрал с лица, вечно мешавшие ему, волосы.

– Отрава! – передразнил он, щурясь на лампочку в самодельном, бумажном колпаке, который некогда соорудил отец

Хамона – Отрава, но очень удобная! Количество градусов на литр, плюс невысокая стоимость этого богатого градуса-ми литра, в сочетании с необязательностью закуски, и даже стакана, делают этот напиток незаменимым!

Сконструировав эту фразу, Поручик аж засветился от гордости! Сказано было действительно неплохо. Чего, чего, а выражаться они оба умели. Хамон засмеялся.

– Химик! Это тебя в институте научили литроградусы подсчитывать?

– Нет! Я дошел до этого своим умом!

– Судя по тому, как все алконавты разбирают вермут, дошел до этого не только ты!

Поручик хмыкнул, а затем торжественно поднял указательный палец, и уставив его в крашеный масляной краской, желтоватый потолок, произнес:

– Алконавты слепы! Они подчиняются традиции и инстинкту, а мы строгой формуле! – Он погрозил Хамону пальцем, и не в силах более сдерживаться, расхохотался.

Облака дыма висели в кухонке, тяжелое, болезненное веселье кружило головы, «In to the fire!» – надрывался магнитофон.

Когда «бомба» была опустошена, короткая эйфория улеглась Хамон загрустил, затосковал. Потянуло его на стихи, на Есенина. Поручик чтений стихов не любил, но уважая чувства друга добросовестно выслушал «Сорокоуст», и по-

том долго, молча смотрел в темное окно, где продолжал моросить сентябрьский дождь, и шевелили в темноте, чуть подсвеченной фонарем, мокрой листвой осенние деревья.

– Ладно, – нарушил, наконец, тишину Поручик – надо ползти на хату, а то маманька меня вообще жизни лишит. Завтра-то, что будем делать?

– Не знаю. – вяло ответил Хамон – Только не пить!

– Мда, алкоголизм. Беседы врача! Ну, все. Побежал я. Завтра созвонимся!

Поручик ушел. Проводив его, грустный Хамон вернулся на кухню. Он закурил, хотя, курить совершенно не хотелось, открыл настежь форточку, и сырой прохладный воздух хлынул в квартирку. Он постоял немного, глядя в черный прямоугольник форточки, услышал, как хлопнула дверь подъезда внизу, быстрые шаги Поручика и хлопок двери соседнего подъезда. Все.

Хамон вдруг, остро почувствовал свое одиночество и ненужность. Он стоял, продолжая глядеть в пустоту, в черное небо, испытывая стыдную, какую-то, жалость к себе, и уж совсем детское, капризное желание, взять, и умереть. Умереть, что бы «все это» раз и навсегда кончилось, и что бы «все они» поняли!

«Все они» – это был весь окружающий мир, мир равнодушный, жестокий, железный. А понять «все они», видимо, должны были, какой он, Хамон, был замечательный, тонкий и удивительный, и, как безразлично-жестоко «все они» с ним

поступали! А надо-то было совсем не так!

Он вострепнулся. Торопливо, почти бегом направился в комнату отца. Сел за письменный стол, открыл тетрадку с лекциями по сопромату. На первой попавшейся чистой странице, торопясь написал:

Он пытался заглядывать вдаль

Через головы тучи и мглу.

Он ушел, но осталась печаль

Дует ветер и разносит золу.

Он терял теплоту и друзей,

И уверенность, и доброту.

Он спасался в реке от дождей,

И руками хватал пустоту.

Ветер листья с деревьев срывал.

И бросал их горстями во тьму.

Он лицо от дождя укрывал,

И частенько было больно ему.

Но всегда он готов был петь!

Лишь не знал о чем и кому.

И когда за ним явилась смерть,

Он ее дожидался в гробу.

Он написал это, практически, не задумываясь и не оста-

навливаясь. Прочитал. Ему не понравилось кому – гробу, да и все последнее четверостишие не особенно понравилось, но переделывать он, как обычно, ничего не стал.

Бельды. Москва. Сентябрь 1984

Утром на улице была все та же серая сырость, однако, Хамон проснулся достаточно бодрым, вопреки погоде и вчерашнему вермуту. Он даже перемыл посуду и зарядил грязные шмотки в стиральную машину «Эврика». Последнее давно следовало сделать, и то, что он, наконец, сподобился, подняло настроение, вселило веру в собственные силы и породило надежды на светлое будущее.

Раскоряченная посреди кухни, «Эврика» мерно тарактела. Умытый и бодрый Хамон варил в алюминиевой кастрюльке последнее яйцо. Из громкоговорителя раздавалось, оптимистическое: «С добрым утром, дорогие товарищи! С добрым, воскресным утром!», кажется, жизнь снова обретала вкус!

Когда яйцо «всмятку» было съедено, Хамон сварил настоящий кофе в турке, закурил и стал наслаждаться ароматным напитком и первой, утренней, «белогвардейской» (кстати, ни один черт не знал, почему она так называется) сигаретой. Вообще-то, по-настоящему «белогвардейскую» сигарету, полагалось выкуривать натошак, но в это утро ему сильнее хотелось есть, чем курить.

Из громкоговорителя Райкин, как обычно по воскресеньям, рассказывал про Греческий зал. Хамон не особенно жаловал Аркадия Исааковича, но это было все же лучше,

нежели рассказ о том, сколько тысяч тон зерна сдали в этом году в «Закрома Родины» хлеборобы Кубани. В некоторых местах он даже улыбался.

Машина завершила стирку, и Хамон включил отжим. Барабан раскрутился, и «Эврика» принялась бешено скакать по кухне, грозя разрушить и уничтожить все вокруг! Вцепившись в ее скользкие бока руками, и навалившись всем весом, он с трудом, с горем – пополам, удерживал норовистую, брыкающуюся машину на месте. Неудачно перехватившись, Хамон на мгновение ослабил хватку. Злобный аппарат немедленно воспользовался его оплошностью, и совершив стремительный прыжок, предательски наступил ему на ногу.

Хамон с проклятиями выдрал ногу из-под колесика машины, зашипел от боли и, напрягши все силы, снова зафиксировал строптивый механизм.

Продолжая удерживать эту стиральную стихию, он вдруг вспомнил цитату из рассказа «Про Батю», напечатанного в подпольном, самиздатовском журнале «Рокси». Рассказ заканчивался фразой, которая, на его, Хамона, взгляд, как нельзя более, подходила к случаю: «А ночью, в реанимации, батя умер. Сломалась машина, которая ему воздух качала. Хуевая, советская машина. Ненавижу!».

«Эврика», правда, и не думала ломаться! Скорее, было похоже, что она переломает все прочее! Хамон засмеялся невольно, и понял, что от смеха сейчас опять потеряет контроль над ситуацией, но тут, слава богу, отжим закончился.

Улыбаясь несколько напряженно, тяжело дыша, он опустился на стул, откинул с лица волосы, вытер пот со лба. Подумал, что любопытно было бы знать, как справлялась с этим чудовищем бабушка, в которой и весу-то было килограмм пятьдесят. Вроде у нее стирка никогда не вызывала проблем.

Громкоговоритель уже по заявкам трудящихся транслировал песню «Малая земля». В связи с песней, Хамон обратился мыслями к покойному Брежневу, под чьей величавой сенью прошло все его детство и начало юности. Потом вспомнил анекдот, появившийся после восшествия Андропова, который, в отличие от Леонида Ильича, воевал не на Малой земле, а наоборот партизанил в Карелии. Соответственно, при смене власти произошло землетрясение, и Малая земля переехала из Новороссийска в Петрозаводск.

Хамон выключил трансляцию.

Прежде чем развешивать белье (ему ужасно неохота было этим заниматься) он решил поставить «нормальную музыку». Ему захотелось послушать «Машину времени». Он уже направлялся в комнату, к магнитофону, когда был остановлен телефонным звонком. Возвращаясь на кухню, Хамон думал, что это, разумеется, Поручик, но подняв трубку обнаружил, что ошибся. Это был другой его бывший одноклассник, из другого, но тоже соседнего подъезда. Он проходил под кличкой Кола Бельды и никто уже не помнил, когда и откуда явилось на свет это прозвище. Абсолютно ничем не походил этот человек на своего чукотского тезку-фальклериста!

Внешность Кола Бельды имел вполне европейскую, и никаких ассоциаций с чукчами не вызывал. Он здорово рисовал и поступил, в свое время, в соответствии с призванием, в Архитектурный техникум, который в текущем году, собирався закончить с красным дипломом, дабы затем поступать в Архитектурный же, разумеется, институт.

В отличии от закадычных Поручика, Хамона и Промокашки, он, кажется, знал чего хочет и ради чего живет. В школе он был середнячком по всем предметам, кроме рисования и черчения, но середнячком старательным, аккуратным. Его трудолюбие вызывало уважение учителей. Почти все они любили его, кроме экстравагантной биологички, которая по каким-то одной ей ведомым причинам, относилась к нему с иронией, и упорно ставила тройки. Да еще учительница математики, бывшая сотрудница специального детского исправительного учреждения, хоть и ставила ему четверки, но делала это с такой нескрываемой, демонстративной жалостью, что это было заметно всем, кто способен, что-то замечать. Чем именно не угодил Кола Бельды этим двум женщинам, навсегда останется тайной.

– Привет! – поздоровался Кола Бельды – Чего поделываешь?

– Привет! – ответил Хамон – Да, так, дела всякие.

– А, ну, тогда извини, не буду мешать.

– Да, ладно, ладно! – заторопился Хамон – Ты не мешаешь! Говори, чего хотел?

– Думал, сходить куда-нибудь, но если ты занят...

– Да, я уже заканчиваю. Давай, заходи!

– Хорошо. Иду!

Они были знакомы еще с дошкольного возраста. Вместе строили танки из песка и кирпичей и снежные крепости зимой. Вместе коллекционировали солдатиков и устраивали целые битвы на паркетном полу. Вместе ставили химические опыты, имевшие одну цель – что бы чего-нибудь взорвалось, да по сильнее. Вместе делали рогатки. Вместе изучали динозавров по иллюстрированным альбомам, в тишине читального зала Республиканской Юношеской библиотеки. Посещали кружок «Археология Скифов и Сарматов» при Историческом музее. Вместе с Кола Бельды и Поручиком обучались они игре на гитаре, и даже пытались создать рок-группу.

Короче, их связывало многое. Но последние годы общались они редко. Не то, чтобы им было не интересно вместе, а просто, как-то незаметно, слишком разной стала их жизнь. Кола Бельды продолжал оставаться мальчиком «хорошим», а Хамон сделался из рук вон «плохим»!

Один днем находился там, где и следует, т.е. в техникуме, вечерами рисовал дома или ехал на подготовительные курсы в МАРХИ, ну, а второй болтался не пойми где и не пойми зачем. Разный был у них образ жизни, и Хамон уже практически перестал звонить вечно занятому другу. Иногда, если у Кола Бельды было свободное время, он объявлялся сам.

Вот, как в это воскресенье.

– Привет! Проходи! – Хамон распахнул дверь.

– Привет, привет! Чего ты тут творишь? – спросил, входя, Кола Бельды. Он, как и Хамон, был возбужден, и рад встрече.

Кола Бельды был высокого роста, на пол головы выше Хамона, которого тоже отнюдь нельзя было назвать коротышкой, при этом, в плечах широк, но сутул и худ. Если добавить, что на нем была голубая фетровая курточка в темно синюю клетку, что он носил очки, а улыбка его всегда была несколько ироничной, то понятно, что ассоциации с Булгаковским Коровьевым возникали неизбежно.

– Сейчас, пять минут буквально! – засуетился Хамон – Я только белье развешу!

– Ты еще и белье стираешь? – искренне удивился гость, но тут же, поняв, всю нелепость этого вопроса, со смехом, прибавил – Сильно пьющие рок-поэты занимаются такими прозаическими делами?!

– Да! Ни что человеческое нам не чуждо! – с достоинством ответил Хамон, затаскивая в ванную таз с постиранными шмотками.

– Ну ладно, я пока послушаю Совдеп! – Кола Бельды повернул заветную ручку на громкоговорителе, который был заглушен всего несколько минут назад.

Хамон торопливо начал развешивать вещи, а с кухни донеслось: «... подчеркнул, что заокеанская истерия, во-круг, так называемой, оккупации Афганистана, является на-

сквозь лживой, газетной спекуляцией. Западным политикам хорошо известно, что ограниченный контингент Советских Войск, находится на территории Демократической Республики Афганистан в полном соответствии с договором „О дружбе и сотрудничестве“ и нормами международного права. Советские Войска в Афганистане выполняют интернациональный долг, в то время, как запад, напротив...»

– Достаточно! – врезался в стройную речь высокий голос Кола Бельды, и наступила тишина.

– Все это кончится большей войной! – грустно и глубоко-мысленно сообщил Хамон из ванной.

– Ну, да. – согласился с кухни его гость – Помнишь, мы смотрели «Одинокое плаванье»? Там же отчетливо! Ни те, ни другие, в принципе, повоевать совсем не прочь! Т.е. нас подготавливают!

– Так, конечно! «Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит!» Так, кажется? А у нас над миром, атомная бомба висит уже сколько лет?!

– А кто это сказал? Про ружье?

– Не помню.

– Эх, ты! Цитату помнишь, а кто сказал нет?!

– А ты, можно подумать, помнишь?!

– Чехов.

– Так! Бельды! Не дави меня своей эрудицией! Мы все отлично знаем, что структура твоего мозга уникальна!

Авторство этой фразы, насчет структуры мозга, принад-

лежало отнюдь не Хамону. Ее выдал своим обомлевшим почитателям, известный в те годы, среди московских хиппи, художник и идеолог этого движения У. Сольми. В ответ на какой-то лепет, типа-того, что это же надо было придумать такой необыкновенный сюжет! Сольми сказал просто и скромно: «Структура моего мозга уникальна». Только и всего!

Фраза стала крылатой. Самого Сольми не дразнили, ибо он был гениален и раним, а вот стоило кому-нибудь из людей обычных начать нести что-то сильно высокопарное или заумное, как оратору тут же указывали, на уникальность структуры его мозга.

Так вот, с этой прибауткой, Хамон вышел из ванной и стал собираться. Через пять минут они уже спускались по лестнице.

На улице было промозгло, но дождь прекратился. Низко над крышами пятиэтажек летели тучи, гонимые сырým ветром. Удрученные окружающей серостью, вечные вороны на дворовых деревьях сидели тихо, не каркали.

– Куда направим стопы своя? – спросил Хамон.

– Давай, доедем до Кропоткинской, там погуляем по переулкам. Как?

– Давай. Я давно в центре не был.

– А где ты вообще бываешь? – не без подковырки поинтересовался Кола Бельды.

– О! Ареал моего обитания обширен! Это и Преображен-

ка, и Сокольники, где с некоторых пор живет наш друг Промокашка. Это так же все пивные, которые находятся в районе Новослободской, а их там несколько и расстояния между ними велики!

– Почему в районе Новослободской?

– Как это почему?! Потому, что Новослободская – есть центр, вокруг которого обращаются институты. МХТИ – где учится достойный Поручик, СТАНКИН – где Промокашка, 3-й Мед. – где Октопуз, и, наконец, МИИТ где имею удовольствие обучаться я!

– Понятно. Т.е. вы, вместо того, чтобы сидеть на лекциях, учитесь в окрестных автопоилках?

– Нет. Не совсем так. Время от времени, кто-то из нас отлучается, чтобы посетить какую-нибудь особо важную пару. Бывает и такое, что все по институтам расползаются!

– Неужели?! И как часто?

– Ну... в общем бывает... Э... Я не понял... Ты нас осуждаешь?!

– Да нет, конечно. Просто интересуюсь. Собираю информацию про другой, отличный от моего, образ жизни!

– А! Тогда, пожалуйста! Тогда я в вашем полном распоряжении, доктор! Спрашивайте, отвечаем!

Они спустились в метро. Разменяв в кассе последний рубль, Хамон вспомнил, о необходимости заехать к отцу. Эта мысль подпортила ему настроение. Он был совсем не против встречи с отцом, но получалось, что встречаться с ним он

будет ради денег. Это было, как-то неправильно, неприятно. Он знал, что просить не придется, что отец даст сам, и все равно, что-то тут было нехорошее.

– Надо найти какой-то заработок. – сказал он – Задолбало постоянное безденежье!

– Киса, для чего вам деньги? Вы же старый, вы скоро умрете! – немедленно ответил ему Кала-Бельды.

– Да ну тебя, нафиг! – Хамону хотелось, чтобы друг серьезно отнесся к его проблеме – Не могу я постоянно деньги брать у отца! Зарабатывают же люди как-то. Вон фарцуют многие.

– Из тебя фарцовщик, извини, как из меня балерина!

– Это почему?! – вскинулся Хамон.

Вскинуться – то он вскинулся, но в глубине души, отлично понимал – его друг совершенно прав.

– Потому, что ты стесняешься спросить у прохожего сколько времени! А тут не время спросить надо, а... Да сам ты все понимаешь!

– Ну, может ты и прав. Ну, грузчиком пойду, на хладокомбинат. Там, говорят, за ночь платят десять рублей.

– Знаешь, Хамон, ты иногда забавный!

– Блин! Да, чего ты тут забавного-то увидел?!

Кола Бельды ничего не ответил. Он стоял, прислонившись спиной к стеклу вагонной двери, надпись на которой предписывала: «Не прислоняться» и смотрел куда-то через плечо друга, а по лицу его блуждала хорошо знакомая Хамону

туманная, ироничная улыбка.

– Какой страшный, огромный, разноцветный паук! – вдруг сказал он.

– Что?! – побледневший Хамон резко обернулся. Он до паники боялся пауков вообще, а уж огромных, разноцветных!

– Схема метро – невозмутимо пояснил Кола Бельды – Она похожа на огромного паука!

Кола Бельды, вообще имел некий своеобразный дар. Он замечал страшное и нелепое, там, где никто другой ничего особенного не видел. Так, однажды, глядя на политическую карту Евразии, он вдруг выдал, что Китай, будто клешней охватывает Монголию, а Советский Союз, в свою очередь, точно так же охватывает Китай. Хамон повнимательнее взглянул на тысячу раз виденную карту и понял, что это именно так и есть!

Подобные вещи, Кола Бельды замечал на каждом шагу. Он не делал из них никаких выводов, просто отмечал и будто складывал в копилку. Спустя годы, когда он стал достаточно известным художником, это нашло отражение в его работах.

На «Комсомольской», как обычно, набился полный вагон народу и друзей затиснули, заплющили в самый дальний угол. Разговор их прекратился сам собой.

«Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция Лермонтовская». Поезд загрохотал по черному тоннелю, а Хамону представились вдруг горы Кавказа. Он был одна-

жды в тех краях, видел двуглавый, заснеженный Эльбрус и легко на образ реальных гор наложился в его воображении портрет Лермонтова из кабинета литературы в школе. «Погиб поэт – невольник чести!».

Лермонтов. Ссылный. Офицер. Дуэль... «Пустое сердце бьется ровно. В руке не дрогнул пистолет» Будто сам про себя писал, а не про Пушкина!

Хамону Лермонтов, нравился гораздо больше, чем Пушкин. Он искренне не понимал, почему в списке великих русских поэтов его поместили только на второе место. Разве есть у Пушкина что-то столь же смелое, крутое и резкое, как «Прощай, немытая Россия»?

Эх, молод был Хамон! Разумеется, нравился ему Михаил Юрьевич «печальный демон, дух изгнания» В бурке! В эполетах! При сабле и пистолетах! И мурашки бежали по коже от его строк.

«Станция Лермонтовская». Никто не вышел из вагона. Наоборот, втиснулись еще несколько человек. Хамон не видел их, просто почувствовал, что пассажиромасса еще более уплотнилась. Рядом, со всех сторон зажатый приезжими тетками, их кошелками и рюкзаками, невозмутимо читал газету «Красная звезда» полковник с авиационными крылышками на голубых ромбах петлиц. Казалось, его совершенно не напрягают теснота и духота. «Вот, несокрушимый какой вояка!» – почти с симпатией подумал Хамон, которому, как хиппи и пацифисту, просто полагалось ненавидеть всех без

исключения «Вояк».

«Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция – Кировская». Странно. Хамон не знал товарища Кирова в лицо. Знал, что звали его Сергей Миронович. Знал, что его убили. Слышал версию, что вроде, как, возможно, это убийство было организовано сталинскими спецслужбами. Знал, даже последний пост, который занимал этот человек, а вот лица не помнил. Всех вождей такого ранга знал в лицо по портретам и памятникам, а Кирова нет! Значит меньше гораздо попадалось его изображений, чем, например, Феликса Эдмундовича. Отчего такая несправедливость? Чем не угодил Сергей Миронович официальным скульпторам и художникам? Непонятно.

«Следующая станция Дзержинская». Вот облик «Железного Феликса» был Хамону замечательно знаком. Проезжая эту станцию, он всегда думал, что глубокие подвалы Лубянки, вероятно, находятся прямо рядом с сооружениями метро и, возможно, даже сообщаются с ними! Может быть, прямо в нескольких метрах за стенкой тоннеля, находятся камеры, и кто-то там сидит.

– Ты слышал про параллельное метро? – сквозь шум поезда крикнул Хамон в ухо другу, который тоже задумался о чем-то своем.

– Конечно! Кто ж не слышал. Говорят, туда даже можно войти через подвалы. Знаешь, бывшие провиантские склады, на Новокузнецкой?

– Не знаю. Где это?

– Ничего-то ты не знаешь про родной город! Очень интересное место. Огромные подземные тоннели! Построены, кажется, в начале прошлого века. Сейчас, там часть задействована под гаражи, а часть заброшена. Вот, говорят, в этой заброшенной части, где-то есть вход в систему параллельного метро.

– Да, ладно! Есть вход в секретные сооружения, и он никак не охраняется?! Не может быть!

– У нас все может быть!

– Слушай! А туда можно просто войти? Не в метро, а в подвалы эти?

– Можно. Почему нет?

– Пойдем, покажешь?

– Отличная мысль! Это будет наша конечная цель, и таким образом, наша прогулка обретет смысл! Весь наш маршрут будет освещен романтической звездой подвалов Солянки!

Как и собирались, они вышли из метро на «Кропоткинской», но вместо запланированных ранее Арбатских переулков, направились вниз по улице, мимо бассейна «Москва», который, был вырыт на месте Храма Христа Спасителя, вместо, странным образом несостоявшегося, по каким-то не вполне ясным причинам, дворца советов.

Ни будущий архитектор Кола Бельды, ни тем более, Хамон, не представляли себе, как выглядел уничтоженный Храм. Наоборот, эскизы Великого Дворца, Великих Сове-

тов, Кола Бельды где-то видел среди прочих проектов переустройства центра столицы, разработанных в ту туманную эпоху ниспровержения авторитетов.

– И, знаешь, то был далеко не самый смелый проект! – просвещал он темного в этих вопросах Хамона.

– А какие еще были?

– Ну, видел я и такой, по которому, предполагалось центр вообще весь снести, вместе с Кремлем. Все под бульдозер! А на освободившемся месте разбить парк. С огромной статуей Лукича (так в компании Хамона было принято величать Ленина) в центре, а от статуи, во все стороны, пять аллей, как пять лучей должны были, значит, расходиться. Представляешь?! А центра просто нет. Вообще нет!

Кола Бельды рассказывал об этом, как о вершине маразма. Он криво ухмылялся, сформировавшееся вокруг него поле сарказма можно было ощутить физически. Хамон не стал спорить с другом, но выслушав живописный рассказ о парке вместо центра, он будто бы на минуточку почувствовал то, что двигало, абсолютно неизвестным ему автором идеи, казавшейся его другу столь абсурдной.

Хамон задумался. Конечно, тогда был Сталин, и были лагеря, и еще много чего, но было и другое. Хамон точно знал, что это «другое» тоже было. Оно, это светлое «другое» существовало в головах у определенной, и, возможно, весьма значительной части людей. Эти люди, которых, он очень хорошо себе представлял, просто потому, что одной из них

была его бабушка, совсем юными прошли через годы революции. Пережили голодные двадцатые. Они формировались вместе с «Молодой Советской Республикой». Возможно, именно по этой причине, они видели все не совсем таким, каким оно было на самом деле.

Оставим пока в стороне вопрос о том, что это такое «на самом деле». Он и вообще-то очень непростой, а Хамону в его восемнадцать лет, просто не приходил в голову!

«Долой старое!» – все связанное со «старым» было для них однозначно плохим. «Построим новый мир!» – и ведь, строился этот новый мир! Он строился, но не их руками. Например, Хамонова бабушка была библиотекарем.

Зажигались в деревнях «лампочки Ильича», строились каналы, дороги, мчались к северному полюсу самолеты, и «врезались в вечные льды корабли». Кончились войны. Прямо на глазах, ушли в прошлое настоящий голод и тиф. Они видели, что «Жить стало лучше, жить стало веселее» и верили, что дальше станет еще лучше! Естественно! Ведь это не они умирали на «стройках первых пятилеток», но и не они разрушали монастыри, раскулачивали и расстреливали. Они видели то, что только и могли видеть, как рухнул «Старый мир», о котором они мало, что помнили, но знали, что он насквозь «гнилой», и начал вырастать мир новый, обещавший быть светлым! Обещавший быть прекрасным!

Кому, зачем в светлом коммунистическом будущем нужны кривые московские переулки? Зачем Храмы, если нет бо-

га? Зачем Кремль – обиталище ненавистных царей?! Долой!

Правильно! Разбить на месте всего этого парк, где трудящиеся смогут отдыхать, гулять, дышать воздухом на берегах реки. Дышать новым, вольным воздухом! А в центре, естественно, поставить памятник тому, кто все это сделал для людей! Памятник огромный! Что бы видели, знали и помнили!

Ничего этого Хамон не стал говорить другу, просто потому, что не сумел бы всего этого объяснить. Он и сам этого не понимал, просто на секунду почувствовал.

Так, за беседой о тридцатых годах, они дошли до Пушкинского музея и с удивлением обнаружили, что народ туда не ломиться, что очереди нет совсем! Это было редкое явление! А просто не было в этот момент никакой интересной выставки, да летний сезон давно закончился, и схлынули туристы.

– Зайдем? – спросил Хамон.

– Давай, раз уж так все складывается! – согласился Кола Бельды.

Когда-то, еще в школе, они часто ходили по музеям. Просвещались. Обоих интересовала история. Пушкинский музей был одним из любимых, благодаря Римскому, Греческому и Египетскому залам. Античные статуи, фрагменты храмов, макет Афинского акрополя – все это волновало и завораживало. Долгие часы проводили они в этих залах, переговариваясь шепотом, слушая эхо собственных шагов. Но все

это было давно, Хамону казалось, что страшно давно! На самом деле, это было года три-четыре назад – огромный срок, если тебе восемнадцать лет!

Они были тогда школьниками. Все, вся жизнь была впереди! Они мечтали! Кола Бельды мечтал стать художником графиком, и похоже, что он им станет. А вот Хамон, кем же станет он? С некоторых пор, ему это стало неважно. Он знал, что в следствии объективных причин, он не станет летчиком – испытателем, как мечтал, будучи еще совсем мальчишкой. Не станет он и зоологом, не будет ездить по экзотическим местам и наблюдать, за такими милыми его сердцу и интересными животными. Не станет, потому, что слишком велик конкурс на биофак, а его таланты в области химии и биологии, как выяснилось, на собеседовании при попытке поступить в биологическую спецшколу, являются средними, что он оказывается (Кто бы мог подумать?!) гораздо более расположен, к ненавидимым, физике и математике.

Мда. Вот потому он и оказался в МИИТе, надеясь стать хотя бы инженером – изыскателем, чтобы работать, например, в полевых условиях, например, в тайге. Но пять лет учебы, через которые лежала дорога к этой туманной цели, кажется, были выше его сил. Он не просто не любил абсолютно все преподаваемые в институте науки, он не переносил их! Каждое утро он шел на учебу, как в бой и уже очень сомневался, а так ли надо вообще туда ходить? Вот и ходил все реже и реже.

Что же с ним будет? Он старался не задаваться этим бессмысленным вопросом. Точнее, он придумал на него ответ и убедил себя, в том, что этот ответ единственно верный: А, ничего с ним не будет! Потому, что ни с кем ничего не будет! Потому, что еще совсем немного и ядерные бомбы разнесут вдребезги этот доблестный мир и развеют на атомы Хамона и всех остальных. И вот тогда, станет совершенно неважно, кто, о чем мечтал, и что делал! Так для чего, спрашивается, дергаться, и совершать бессмысленные телодвижения?!

В старших классах ему просто хотелось, чтобы все от него отстали! Его утомила школа, тем, что туда необходимо было ходить. Отец, тем, что заставлял в десятом классе заниматься помимо школы подготовкой к поступлению в институт. Бабушка, тем сообщала отцу, абсолютно обо всех его проступках. Его бывшая девушка, тем, что возражала против пьянок и прогулов! «Они все» его просто достали!

И вот, когда он поступил в институт и проучился (промутился) там первый год, его желание неожиданно исполнилось. «Они все», в одночасье, совершенно, как ему хотелось, оставили его в покое. Больше никто ничего не требовал от Хамона. Никто не заставлял, не принуждал, не ругал, и не понукал! Он мог, казалось, делать все, что хотел. Он должен был бы обрадоваться!

Почему же вместо радости пришла эта серая, безысходная тоска? Откуда это щемящее ощущение неизбывного одиночества, даже среди друзей, даже среди веселья?

Он очнулся от своих невеселых мыслей, услышав фразу:

– Демон! Сущий демон! Великая, вселенская грусть легла на его чело!

Конечно, это сказал Кола Бельды. Кто ж еще?! Кола Бельды, по-прежнему, шел рядом и смотрел в лицо друга внимательно и как всегда иронично. Казалось, он видел Хамона насквозь, но не сочувствовал, потому, что не одобрял того, что видел.

Они поднимались по ступеням к стилизованному под античный портик входу в музей.

– Ты, когда побывал здесь первый раз? – серьезно спросил Хамон, проигнорировав подколку.

– Даже не вспомню. – Кола Бельды почесал затылок – А ты?

– Я помню. Когда отец привел меня сюда на выставку Сокровищ Тутанхамона. В первом классе, кажется.

– Ну, и?

– Ничего. Через это я стал Хамоном.

– Правда? Слушай, а ведь точно! А я и забыл совсем, что ты у нас ХАМОн! Привыкли, ХАМон и ХАМон! – Кола Бельды заулыбался мечтательно, видимо, вспомнив что-то из детства.

Они разделись в гардеробе, получили белые пластиковые номерки, и не проверив у кого номер интереснее, что непременно проделали бы несколько лет назад, направились в Египетский зал.

Там совершенно не было посетителей. Там было тихо. Приглушенный свет, делал выполненный в коричневых тонах интерьер таинственным. Как всегда, как было у них заведено, они двинулись вдоль экспонатов на некотором расстоянии друг от друга. Они никогда не разговаривали непосредственно в процессе осмотра. Впечатлениями делились после.

Очень скоро Хамон добрал до черной статуи бога Ану-биса. В этот раз, он, Хамон, никак не мог полностью раствориться в атмосфере музея. Никак не мог он отрешиться от своих обыденных мыслей и поймать ту счастливую волну, которая всегда сама находила его, стоило лишь оказаться рядом с предметами, вышедшими из глубины веков.

Хамон остановился напротив этой небольшой статуэтки, изображавшей не то собаку с острой мордой и неправдоподобно огромными, острыми же ушами, не то шакала, почему-то черного. Остановился, поправил волосы, наморщил лоб, пытаясь осмыслить, что же мешает ему сегодня в полной мере проникнуться, когда Анубис, чуть повернув голову, хитро подмигнул оторопевшему Хамону.

Впрочем, это конечно только показалось. Все мы отлично знаем – чудес не бывает, статуи никому не подмигивают. Хамон помотал головой, подумал, что пить надо меньше, и двинулся дальше.

Будни. Москва. Октябрь 2006

Звонок по внутреннему телефону оторвал Сашу от трудов по проверке правильности оплаты выданных в прошлом месяце заказов. Старший приемщик лаконично объяснил, что клиент буянит и требует начальство. Саша вышел. Собственно, дело было обычное и не стоило выеденного яйца, но заказчик, бодрый и темпераментный дедушка, поднял такой шум, что Саша, скорее, предложил ему пройти в кабинет, дабы удалить весь этот крик и гам с приемки, от слуха остальных посетителей по далее.

Войдя с дедушкой в кабинет, Саша, первым делом, предложил ему присесть, указав на свободный стул. Дедушка неохотно, демонстрируя всякое неудовольствие происходящим, все-таки сел.

– Хотите чаю? Кофе? – стараясь быть любезным и «хорошим», поинтересовался Саша.

– Молодой человек! – сразу же взбеленился дед, будто ему бог-весть, что предложили – Я не чай сюда приехал с вами распивать! Я...

– Хорошо! Хорошо! – поспешно перебил его Саша – Не хотите, не надо! Рассказывайте, тогда в чем дело.

– Ну, как в чем?! Я уже все рассказал вашим сотрудникам!

– Ну, сотрудникам рассказали, а теперь, пожалуйста, еще раз расскажите мне, если вас не затруднит.

– А вы кто по должности, можно узнать?

– Конечно, можно. Я исполнительный директор этого филиала. Зовут меня Александр.

– А отчество? – уточнил дед.

– Дмитриевич.

– Ну, вот, Александр Дмитриевич, ваши «специалисты» испортили мне мотор! Что делать будем? А?

– Давайте по порядку. И не волнуйтесь, пожалуйста! Что именно мы вам делали?

– Все! Вы мне блок растачивали! Поршни были ваши! Кольца ваши! Все ваше!

– Можно посмотреть ваш заказ-наряд? – совершенно автоматически выдерживая ровную, вежливую интонацию, осведомился Саша. Ему было даже немного скучно. Сколько он переговорил таких разговоров! Он, даже еще не зная точно сути дела, уже сейчас, еще не видя заказ-наряда, мог предположить в чем у дедушки беда, и скорее всего не ошибся бы. А беда у 90% вот таких «мотористов» была одна – полное неумение.

Дедушка вытащил желтый бланк с приколотым чеком и с некоторой опаской протянул его Саше, будто тот сейчас схватит бумагу и съест! Саша прочитал. Так, блок цилинров ВАЗ 2103, расточка, хонигование, диаметр цилиндра 76.4, поршни 76.4, кольца поршневые 76.4.

– Ну, здесь все понятно. И что у вас произошло?

– А вот что! – и дедушка выложил на стол сломанное

поршневое кольцо, таким движением, каким карточный игрок выкладывает козырного туза. Выложил и с торжествующим видом воззрелся на Сашу.

Саша взял кольцо в руки, повертел, посмотрел на него.

– Ну, сломанное второе компрессионное кольцо. И что?

– Как это что?! Вы не доточили мне третий цилиндр!

– Правда?! Почему вы так думаете? Кто собирал мотор? –

Саша отлично понимал, что мотор, разумеется, дедушка собирал сам. Пыхтел, мучился, в своем гараже, пользовался ни куда негодным инструментом, купленным в ближайшем магазине, а то и в Южном порту, по старинной, советской привычке.

Саша знал, что делал. Он строил беседу по давно отработанной схеме, отлично зная, куда ведет собеседника, и в душе жалея его.

– Я сам собирал! – ответил дед, чем, естественно, Сашу несколько не удивил.

– Вы моторист? – задал Саша следующий, стандартный вопрос.

– Молодой человек! – снова рассердился клиент – Я наладчик! Я на кондитерской фабрике Бабаева всю жизнь работал!

– Причем тут? Шоколад и двигатель внутреннего сгорания? – поинтересовался, как бы невзначай Саша, прекрасно понимая, что ответит ему старый, шоколадный наладчик.

– Как причем?! Я сложным оборудованием занимался! Я,

что, по-вашему, мотор собрать не сумею?!

– Не знаю. Но кольцо вы сломали. Это факт.

– Так кольцо потому и сломалось, что вы цилиндр не доточили!

– Да? Точно не доточили? Вы мерили цилиндры?

– Конечно не мерил! Мне нечем мерить! Это вы – специалисты должны мерить!

– А мы мерили. Мы всегда мерим.

– И как же вы так мерите, что цилиндр не доточили?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.